

Федеральная просветительская газета

ТАТАРСКИЙ МИР

№ 9 (6392) 2016

ДӨНЬЯСЫ

«Тогда не будет между нами мира, когда камень станет плавать, а хмель – тонуть»

Из договора между князем Владимиром и предками татар – болгарями в 985 году («Повесть временных лет»)

Худ. Рушан Якупова. «Новый самовар»

Звезда
Талгата
Нигматуллина

с.12-13

Как
стать
бизнес-
леди

с.9

Вокруг казанского
престола

с.5

У истоков
театра

с.11

Робин Гуд
из Крыма

с.8

Заки Нури

ОСЕНЬ

Отчего так рано за окошком
Протрубили осени ветра?
Отчего так тихо, так сторожко
Стал сентябрь у нашего двора?

Заявился как-то на рассвете,
Августовский перейдя предел.

Почему ж я лета не заметил,
Почему я лето проглядел?

Только сердце стариться не хочет,
Слишком старость для него тесна.
Слышишь, в сердце долгий май грохочет,
Кружит в жилах долгая весна!

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Постоянное представительство Республики Татарстан в городе Санкт-Петербурге и Ленинградской области отметило День Республики Татарстан. В рамках празднования состоялось открытие выставки «Современное татарское искусство» из собраний работ авторов, организованной совместно с журналом «Сююмбик». Это живопись и ювелирные украшения из серебра, кожи, полудрагоценных камней, расшитые женские головные уборы, куклы ручной работы, вышивка на коже, расписная посуда. Особый интерес вызвали предметы прикладного искусства в национальном стиле. Были представлены работы татарстанских художников, которые также, приняли участие в открытии выставки.

Постоянный представитель Республики Татарстан в Санкт-Петербурге и Ленинградской области Ренат Валиуллин и первый заместитель министра культуры

Республики Татарстан Эльвира Камалова провели награждение активистов татарской общности государственными наградами Республики Татарстан. Праздничные мероприятия завершились концертом с участием известных татарских исполнителей Северо-Западного региона и ведущих артистов Республики Татарстан.

МОСКВА

Татарское книжное издательство получило престижную награду. Впервые его отметили дипломом финалиста в номинации «Литература российских регионов» на XII всероссийском конкурсе региональной и краеведческой литературы «Малая Родина». Конкурс проходил в рамках ежегодной Московской международной книжной выставки-ярмарки на ВДНХ. Победителей определило жюри, назначенное Федеральным агентством по печати и массовым коммуникациям. Конкурс считается одним из важнейших событий года в литературной среде. Также в рамках церемонии были вручены памятные медали, изготовленные по заказу полномочного представительства РТ в РФ к 110-летию со дня рождения Мусы Джалиля.

Их удостоились генеральный директор Татарского книжного издательства Ильдар Сагдатшин, коммерческий директор Ильдар Хуснутдинов и руководители торговой сети Фарид Измайлова.

ЧЕЛЯБИНСК

Международный конкурс красоты и таланта «Татар кызы-2016» прошел в Челябинске. В этом году на него съехались девушки из 17 регионов страны и двух зарубежных стран. «Татар кызы» стал своеобразной визитной карточкой региона и полюбился зрителям: все билеты в семитысячный зрительный зал ледовой арены были проданы в считанные дни. В этом году конкурс был посвящен 130-летию великого татарского поэта Габдуллы Тукая, его стихи звучали на протяжении всего вечера, а специальными гостями стали известные певцы Дина Гарипова и Айдар Галимов. Самой красивой и талантливой татаркой стала Эдельвейс Ихсанова из Башкортостана. Победительница была определена компетентным жюри, в состав которого вошли представители творческой интеллигенции, деятели искусств, представители министерств культуры Челябинска и Татарстана. Голову девушки украсила изящная корона, изготовленная Златоустовскими мастерами. Также она получила подарок Президента Татарстана – ключи от нового автомобиля. Завершилась красочная церемония исполнением песни «Туган Тел», которую зал пел стоя как гимн татарского народа.

***

Знаменитый силач Эльбрус Нигматуллин из Челябинска, обладатель нескольких мировых рекордов, устроил развлекательный номер, посвятив его 280-летию родного города. Взвалил на спину фортепиано весом 280 килограммов, он прошел 100 метров. Пианино «Элегия» силач подарил залу органной и камерной музыки «Родина». В память об установленном рекорде на инструменте будет специальная табличка. 42-летний Нигматуллин является четырехкратным победителем турнира «Самый сильный человек России». На его счету несколько достижений, занесенных в Книгу рекордов Гиннеса. Последний мировой рекорд он поставил в 2015 году, когда сдвинул с места двухэтажный дом весом 30 тонн, поставленный на железнодорожные рельсы, и волоком за веревку протащил его более чем на два метра.

КАЗАНЬ

В ресторанном комплексе «Туган авылым» в столице Татарстана установили памятник татарскому эпочмаку. Двухметровая скульптура в честь национальной выпечки стала своеобразным подарком властей и бизнеса Казани ее жителям на День города.

СИМФЕРОПОЛЬ

Мусульманский комплекс «Сеит Сеттар», центром которого является построенная в середине XIX века мечеть, открыли в Симферополе после масштабной реконструкции.

«Человек, построивший эту мечеть двести лет назад, Сеит Сеттар Челеби, был мэром города и богатым купцом. Мы сделали так, чтобы его имя, чтобы его вклад в дело ислама продолжали жить. Сегодня мы открываем грандиозный комплекс», - сказал муфтий Крыма Эмиралы Аблаев на церемонии открытия в воскресенье.

На нее пришли члены межконфессионального совета - религиозные лидеры полуострова.

Мечеть была открыта в 1850 году. В 1936-м ее закрыли и начали использовать в хозяйственных целях. Возвращение объ-

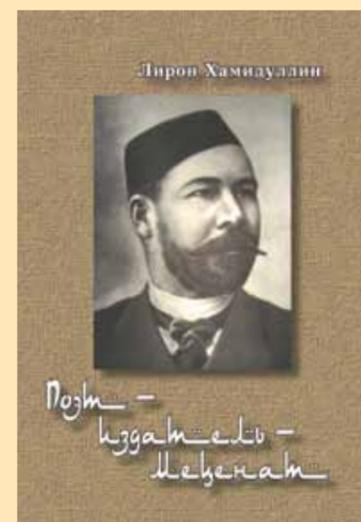

екта в собственность мусульман произошло в начале 1990-х. Реставрацию начали в 2014 году. В комплекс входят мечеть, медресе (мусульманское учебное заведение) и административные корпуса.

«Впервые в российском Крыму открывается в составе комплекса «Сеит Сеттар джами» медресе, его выпускники будут получать дипломы государственного образца», - сказал вице-премьер крымского правительства Руслан Бальбек.

Комплекс, восстановленный на деньги частных инвесторов и при участии министерства религий Турции, открыли в преддверии крупнейшего мусульманского праздника Курбан-байрам.

КНИЖНАЯ НОВИНКА

В книжном издательстве «Ихлас» увидела свет книга известного татарского писателя-исследователя Хамидуллина Л.Х. «Поэт – издатель – меценат». Документальная повесть, посвященная к 95-летию со дня смерти Закира Рамиева – Дэрдеменда.

В книге описываются события, связанные с биографией поэта и издателя, золотопромышленника и общественного деятеля Закира Рамиева – Дэрдеменда.

Лирон Хамидуллин в течение ряда лет жил и работал в городе Орске, искренне увлекся наследием Дэрдеменда. Собирая воспоминания о нем и его семье. Перепишивался и встречался с его потомками. Посетил почти все места, связанные с жизнью золотопромышленника и поэта. В конце 1980-х годов написал документальную повесть «Офыктагы рәшәләр», посвященную жизни и творчеству поэта. Он также автор текста фотоальбома «Дэрдеменд» (2003), соавтор книги «Бертуган Рамиевләр» (2002).

Больше, чем дружба

Большим гала-концертом в Доме музыки завершились ставшие уже традиционными Дни Татарстана в Москве. С историей, искусством и культурой татарского народа москвичи могли познакомиться на литературных вечерах, концертах и встречах.

Одним из центральных мероприятий Дней Татарстана стал музыкальный вечер, подготовленный Татарским государственным академическим театром им. Г. Камала. Мероприятие началось с церемонии возложения цветов к памятнику Габдуллы Тукая. В ней приняли участие заместитель Премьер-министра Республики Татарстан – полномочный представитель РТ в РФ Равиль Ахметшин, руководитель Татарской национально-культурной автономии Москвы Фарит Фарисов, директор Татарского государственного театра им. Г. Камала Ильфир Якупов и актеры театра, народные артистки ТАССР

һәм бәбиләр”, “Ай булмаса, йолдыз бар”, “Жанкисәккәем”, “Гөргөри кияүләре”, “Галиябану”, “Диләфрузгә дүрт кияү” и многих других, а также увидели отрывки из нескольких других известных постановок. Их представили известные актеры театра: Нажиба Ихсанова (Миннуллина), Наиля Гараева, Равиль Шарафеев, Люция Хамитова, Олег Фазылжанов и другие.

В программе вечера также приняли участие народные артисты Татарстана Зульфира Зарипова, Асхат Хисматов. Песни из легендарных спектаклей прозвучали в исполнении народных артисток ТАССР Зили Сунгатуллиной и Риммы Ибрагимовой, лауреата всероссийских и международных конкурсов Айгуль Хайри. Драматург Туфан Миннулин писал и замечательные стихи, рубаи. С ними зрителей познакомил его дочь Альфия Юнусова, а также легендарные актеры театра Равиль Шарафеев и Асхат Хисматов.

Завершились Дни Татарстана гала-концертом, который прошел в Московском международном доме музыки. Президент РТ Рустам Минниханов, открывая торжественный концерт, посвященный традиционным дням Татарстана в Москве, отметил: «Москва — крупнейший наш торгово-экономический партнер, крупнейший наш партнер в области культуры. Во всем Москва — это столица. Москву надо любить, Москва — столица нашей родины».

В торжественном вечере также приняли участие заместитель мэра Москвы по вопросам градостроительной политики и строительства Марат Хуснуллин, заместитель Премьер-министра РТ – полномочный представитель РТ в РФ Равиль Ахметшин, министр культуры Татарстана Айрат Сибгатуллин, представители духовенства – первый заместитель председателя Совета муфтиев России Рушан хазрат Аббясов, патриарший наместник Московской епархии митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий (Поярков), послы и представители дипломатического корпуса более 50 зарубежных стран (Канады, Китая, Японии, Сингапура, Южной Кореи, Ирака, Бахрейна, Турции и других), представители полномочных представительств российских регионов.

Марат Хуснуллин зачитал приветственное слово участникам торжественного вечера от мэра Москвы Сергея Собянина. В нем, в частности, говорится: «Сердечно поздравляю вас с Днем республики! Татарстан встречает 26-ю годовщину образования республики в качестве одного из российских регионов-лидеров. Сильная экономика, мощная социальная сфера, богатая культура, талантливые трудолюбивые жители, которые приумножают достижения родного края, намечают и успешно осуществляют новые масштабные планы. Два субъекта Российской Федерации, Москву и Татарстан, связывают стратегическое партнерство и крепкая дружба, совместные проекты и добрые человеческие отношения. Среди представителей многочисленной татарской общины столицы – ученые и мастера искусств, управленцы и предприниматели, врачи и педагоги, политики и военные, спортсмены и журналисты. Это настоящие профессионалы, которые вносят большой вклад в развитие Москвы».

Марат Хуснуллин и Рустам Минниханов вручили награды Москвы и Татарстана. За большой вклад в укрепление дружбы и развитие сотрудничества между городом и республикой благодарственными письмами мэра Москвы были поощрены генерал-полковник, пер-

вый заместитель председателя Московского совета ветеранов Расим Акчурин, заслуженный артист России и Татарстана Бари Алибасов, основатель и руководитель ансамбля народного танца «Раззадоры» Хабибулла Ганиев, абсолютная чемпионка мира по высшему пилотажу Халидэ Макагонова, главный редактор федеральной газеты «Татарский мир», писатель Ринат Мухаммадиев, востоковед, дипломат Юлдуз Халиуллин, заслуженный врач России, доктор медицинских наук Александр Царегородцев. Медалью ордена «За заслуги перед Республикой Татарстан» награжден профессор, генерал-лейтенант Салих Шамсунов. Медалью республики «За доблестный труд» награжден доктор медицинских наук, главный врач городской клинической больницы №5 Москвы Шамиль Гайнулин. Руководитель Территориального управления Федерального агентства по управлению государственным имуществом в Московской области Елена Паткина из рук Президента Татарстана получила медаль «За доблестный труд». Звание «Заслуженный врач Республики Татарстан» получили доктор медицинских наук, начальник Главного военного клинического госпиталя имени Н.Н.Бурденко Евгений Крюков и заместитель главного врача Научно-исследовательского института урологии имени Н.А.Лопаткина Рамис Фатихов. Звание «Заслуженный деятель искусств Республики Татарстан» присвоено композитору Зульфии Рауповой. Благодарностями Президента РТ поощрены Герой России, летчик-испытатель Венер Мухаметгареев, певица татарской эстрады Сюмбель Билалова, доктор медицинских наук Дания Каримова, исполнительница русских народных песен Лариса Колесникова, а также телеведущий программы «Новости» Максим Шарафудинов.

За плодотворное сотрудничество с РТ и особый вклад в развитие строительной отрасли медалью ордена «За заслуги перед Республикой Татарстан» награжден заместитель мэра Москвы Марат Хуснуллин.

Мероприятие посетили многочисленные деловые партнеры республики, члены «Землячества Татарстана», в том числе – известные врачи и военачальники, ученые и журналисты, деятели культуры и спортсмены. Это кардиохирург Ренат Акчурин, директор Института океанологии РАН академик Роберт Нигматуллин, телеведущие Фарид Курбангалеева, Лилия Гильдеева и Дмитрий Нестеров. Гостями гала-концерта стали политический деятель Владимир Ресин, кинорежиссер Егор Кончаловский и многие другие.

В гала-концерте торжественного вечера приняли участие Государственный ансамбль фольклорной музыки РТ, Государственный ансамбль песни и танца РТ, ансамбль танца «Казань», народный артист Татарстана, известный актер Театра Камала Ринат Тазетдинов, заслуженные артисты Татарстана Эльмира Калимуллина, Филюс Кагиров и многие другие талантливые музыканты и исполнители.

В рамках вечера была представлена выставка «Я устремляюсь в вечность: Г.Тукай и его наследие». Зрители гала-концерта смогли увидеть подлинные мемориальные предметы поэта из фондов Национального музея РТ. Также традиционно была организована выставка изделий народных художественных промыслов.

За подготовку материала благодарим пресс-службу полпрества РТ в РФ

Торжественные минуты награждения. Слева направо: Р.Н. Минниханов, Р.С. Акчурин, М.Ш. Хуснуллин

Президент Татарстана награждает заместителя мэра Москвы

Зили Сунгатуллина и Римма Ибрагимова, а также представительница общественности. Затем в стенах Дома Асадуллаева прошел музыкальный вечер. В мероприятии прозвучали песни на слова известного драматурга Туфана Миннуллина, ушедшего из жизни в 2012 году. Автором сценария и ведущей вечера выступила народная артистка Татарстана Луара Шакирзянова.

На сцене Театра Камала были поставлены спектакли по более двадцати пьесам Т.Миннуллина, которые много лет не сходили со сцены. Среди них: «Старик из деревни Альдермыш» («Әлдермештән Әлмәндәр»), «Четыре жениха Диләфруз», «Мулла» и другие.

Особое место в программе занял рассказ о легендарном спектакле «Әлдермештән Әлмәндәр». В этом году исполняется 40 лет этой постановке. Зрителям был представлен видеофрагмент и отрывок из спектакля. Также москвичи узнали историю создания этой пьесы.

Москвичи услышали песни из спектаклей “Әниләр

Упамятника Г.Тукаю

На скрипке Фуат Абубакиров

Жена Туфана Миннуллина Назиба ханым и их дочь Альфия

Возвращение к истокам...

Шайхетдинов Вакиль Гилемович, заслуженный художник Республики Башкортостан (1999), заслуженный деятель искусств Республики Татарстан (2010).

Родился 4 мая 1951 года в селе Капей-Кубово Буздякского района БАССР в крестьянской семье.

Выпускник художественных отделений Уфимского училища искусств, театрального факультета Уфимского государственного института искусств. Член Союза художников СССР, РФ, РБ.

1972 год - первое участие на выставке профессиональных художников РБ. В дальнейшем - участие в республиканских, зональных, российских, всесоюзных и международных выставках. На счету более 25 персональных выставок в городах РБ и РФ.

Стали известным художником не только Башкортостана, но и за ее пределами. Расскажите, с чего все начиналось?

- Да, я родился в простой крестьянской семье. Правда, дед мой по линии матери был муллой в деревне Устюба, Буздякского района, ходил в хадж. Он владел землями, на которых выращивал сельскохозяйственную продукцию и снабжал ею всю округу. Звали его Муллакамал хаджи. В советский период он, как богатый человек и религиозный деятель, был репрессирован на целых 20 лет. Прадед тоже совершил паломничество в Мекку, был похоронен на обратном пути домой.

Со стороны отца предки мои были также зажиточными, хорошо образованными. Поэтому мои мама и папа были воспитаны соответственно. Они понимали, что моя тяга в детстве к рисованию не помешает

деня и направился, куда глаза глядят. Ноги сами понесли вниз по улице Пушкина. Иду себе, иду... И вдруг передо мной - здание, красивое, старинное. Оказалось, училище искусств. А там - объявление - завтра начинаются приемные экзамены. Ну, думаю, то, что надо. Сдам документы, экзамены и, наконец-то, вернусь домой, в родную деревню. Вот так практически случайно судьба распорядилась моим будущим. Хотя теперь понимаю: случайностей не бывает...

В училище я прошел в качестве вольнослушателя, поскольку начальной подготовки по рисованию у меня не было. Я тогда что видел, то и писал. Между тем на курсе ребята практически все были выпускниками художественных школ. Помню, как мой однокурник Рамиль Латыпов сделал буквально за несколько минут набросок моего портрета. Я был восхищен, говорю, зачем тебе учиться, ты уже и так готовый художник!

За полгода подучился, и меня, наконец, с начислением стипендии зачислили в учебное заведение.

- Кто из ныне известных художников учился с вами?

- Жора Калитов, Марс Гайсин, Урал Мухаметшин, Рафаэль Бураканов... Мы до сих пор встречаемся не только на выставках, но и в мастерских. Обсуждаем работы друг друга, советуемся, делимся новостями, общаемся. Мы очень дорожим нашими отношениями.

- Вакиль Гилемович, вы получили советское образование, воспитание. Однако, в коллекции ваших работ немало количество картин, посвященных теме ислама...

- Да, и это логично, ведь я внук муллы, воспитанный родителями, которые чтит традиции, обычаи, культуру, религию нашего народа. Это отношение к исламу несущее через всю свою жизнь.

А в 1996 году мне повезло совершить хадж в Мекку. Но до поездки я прочел книгу «Жизнь пророка Мухаммеда», чтобы хоть как-то быть готовым к этому важному в моей жизни событию. Всем сердцем поверил в Бога. Начал читать Коран. Сначала ничего не понял. Прочитал во второй раз - немного приоткрылись значения аятов. А когда уже прочитал в третий раз, наступило какое-то озарение...

На основе собранных материалов в святых местах Королевства Саудовской Аравии родилась серия картин по истории трех религий «Икьрар». Под каждой работой разместил краткую аннотацию, которая разъясняет о чем моя картина. Серия экспонировалась в Уфе, Казани, Москве в ЦДХ. Выставка получила большое количество положительных отзывов не только от мусульман, но и от представителей других конфессий, национальностей. После просмотра экспозиции они благодарили меня и говорили, что полностью изменили свое мнение о мусульманах. Раньше благодаря СМИ мы представляли вас с черной повязкой на голове и с автоматом Калашникова в руках, говорили они, а теперь понимаем, что вы такие же верующие, как и мы.

- Получается вы, по большому счету, занимаетесь просвещением...

- В какой - то мере да. Я даже разработал специальное письмо, так называемый условный язык, который не нарушает требований Корана. Получилась серия картин, по которой меня стали узнавать. А некоторые художники стали применять мои методы в своей работе.

«Икьрар» показываю в разных городах, рассказываю о нем. По просьбе учителей культуры распеваю на своем принтере картины из этой серии. Они используют их на своих уроках, поскольку, говорят, что нет у них других визуальных

материалов. Мне хочется найти спонсора и выпустить учебник, иллюстрированный картинами из «Икьрара», чтобы дети в школах могли рассматривать эти рисунки, читать краткие к ним аннотации, способствующие понятию сути аятов. Согласитесь, освоить Коран ребенку довольно сложно, а посмотреть картину и прочитать соответствующее к ней описание сможет школьник любого возраста. Так мы с детства могли бы прививать молодому поколению интерес к исламу. Эти книги можно было бы раздавать в школах бесплатно.

Вообще, считаю, людей постепенно надо возвращать к истокам. И давать знания по основам религии надо начиная с дошкольного возраста. Не зря же один из самых известных мировых ученых, океанограф Жак Ив Кусто на закате своей жизни принял ислам. Согласитесь, основная беда у нас - отсутствие морального стержня у молодежи, потому что социалистической идеологии давно уже нет, а ей на смену ничего не было предложено. В результате у молодого поколения людей происходит ослабление духовно-нравственных устоев.

- Часто взрослые, рассуждая о современной молодежи, говорят о ней как о потерянном поколении...

- Не согласен... Нынешняя молодежь - просто несколько другая, чем мы. Я бы сказал они где-то даже лучше нас. Они быстро осваивают современные технологии, умеют зарабатывать, не боятся сложностей, толерантнее нас. Да это и неудивительно, современный темп жизни заставляет их быть мобильными, отличными от нас. Книжки они читают только электронные. Хотя знаю некоторых молодых людей, которые с удовольствием покупают книги с иллюстрациями. С ними можно поговорить о творчестве русских и зарубежных классиков, современных писателей, поэтов. Ну как можно не знать Высоцкого или Шукшина? Любим уважающий себя молодой человек с хорошим образованием обязательно читает этих талантливейших авторов.

Чтение было, есть и будет в моде во все времена. В этом положительную роль сыграли бы средства массовой информации, в частности, телевидение. Чем показывать розово-голубые сериалы или фильмы с криминальным содержанием, лучше рекламировать бы хорошего качества фильмы, поставленные по произведениям классиков отечественной и мировой литературы. Уверен, смотрели бы все.

Помню, в советские времена нам ненавязчиво по радио давали слушать классическую музыку или произведения мировой литературы. Я до сих пор пишу свои картины под музыку Чайковского, Мусоргского, Баха...

- Вакиль Гилемович, известно, что ваша супруга тоже связана с искусством...

- Да, ее зовут Светлана Урманцева. Она - фотохудожник. Фотографией Светлана стала увлекаться недавно и уже провела свою первую выставку. Светлана - выпускница физико-математического факультета, всю жизнь проработала учительницей. Она - дочь офицера, из очень интеллигентной семьи. Именно моя супруга научила меня любить книгу.

Я благодарен ей за любовь, заботу, внимание, поддержку, домашний очаг. Надежный тыл очень важен для творческого человека.

- Как вы думаете, что должен делать мужчина для того, чтобы его женщина была счастлива?

- Любить ее...

Дудаил. «Двукрылый Ангел, который посещает землю и держит её в своих объятиях во время уразы (поста). Все деяния на земле проходят под его взором»

Все работы написаны в технике холст, масло. Манеру письма сам Вакиль называет современным реализмом. Так как его картины в основном отображают беспредметный мир, они рассчитаны больше на чувственное восприятие.

Вместе с супругой, фотохудожником Светланой Урманцевой воспитали троих детей.

В Уфе, в Башкирском государственном художественном музее имени М. В. Неустерова 15 сентября состоится открытие выставки работ из серии картин «Икьрар» (Слово о религии) заслуженного художника Республики Башкортостан, заслуженного деятеля искусств Республики Татарстан Вакиля Шайхетдинова. По словам мастера, экспозиция посвящена истории трех основных мировых религий: исламу, христианству, иудаизму, которые, как известно, имеют общие корни.

Это уже 26-я по счету персональная выставка мастера и приурочена к 65-летию автора. На вопрос, почему экспозиция открывается осенью, а не весной, в мае, когда художник отмечал свой юбилей, мой собеседник ответил, что осень, особенно поздняя - его любимое время года. «Когда идут холодные дожди, под ногами лежит ковер из уже коричневых листьев, деревья стоят полуголые, словно обнаженные фигуры стройных женщин, изображенных каким-то неизвестным графиком... Ну, как можно не любить все это?»

- Вакиль Гилемович, вы родились в деревне, в семье простых сельских жителей.

взрослой жизни, и поэтому не препятствовали этому увлечению. Вообще, в школе я считал, что всегда и во всем должен быть лучшим. Спорт ли это, рисование, математика или физика - не важно, главное, я - первый. Помню, как-то один из моих одноклассников принес срисованную на блокноте Мадонну (картина Рафаэля «Сикстинская Мадонна» - авт.). Увидев это, я так был восхищен, что решил сделать тоже самое, но гораздо лучше. И я это сделал!

- Лучше своего одноклассника?

- Не знаю. Но в итоге художником стал я, а не он! С этого началось мое увлечение. Я много рисовал, особенно природу. Помню, как ежедневно бегая по лесу зимой на лыжах, гоняя на велосипеде летом, вернувшись домой, сразу же садился за краски. Кроме того, я отвечал в школе за стенгазету. И все это мне нравилось. Но по окончании школы я даже и не думал поступать в учебное заведение, связанное с художественным образованием. Поскольку, помимо рисования, я увлекался и точными науками, меня направили учиться в БГУ на физико-математический факультет. Когда приехал в университет, в приемной комиссии, посмотрев мои документы, разочарованно сказали, что у меня даже нет ни одной школьной почетной грамоты, не говоря уж о медалях. У нас тут в основном с золотыми и серебряными медалями поступают... Я был обескуражен. В нашей школе никаких медалей не давали тогда. Я знал, что их вручают воинам, ветеранам, спортсменам, но чтобы школьникам... Разочаровался... Забрав документы, вышел из учебного заве-

Беседовала
Диана СВЕРДЛОВСКАЯ

Буллат ХАМИДУЛЛИН, историк

Правление Клана ГИРЕЕВ

Основателем династии татарских ханов Гиреев, правивших в постзолотоордынских государствах вплоть до конца XVIII века, был Хаджи-Гирей. В 1430-1440-х годах при поддержке знатных татарских кланов Ширин и Барын он добился независимости северо-причерноморских территорий от Золотой Орды. Позднее, кроме трона в Крыму, представители этой династии занимали также престолы Астраханского (Бахадур-Гирей) и Касимовского (Нур-Давлет и его сыновья Сатылган и Джанай) государств.

Гирей правили также и в Казани. Казанскими ханами из рода Гиреев были Сахиб-Гирей (1501-1551), который правил с 1521 по 1524 годы; его племянник Сафа-Гирей (1510-1549), который правил в 1524-1531, 1533-1546 и 1546-1549 годах; сын Сафа-Гирея и ногайской татарки Сююмбике Утямыш-Гирей (1546-1566), являвшийся номинальным ханом в 1549-1551 годах. Об этих ханах есть мои небольшие статьи в 12-м и 29-м томах Большой Российской энциклопедии. Именно годы правления Гиреев в Казани известны и уважаемый историк, автор монографии «Очерки по истории Казанского ханства» (1923) Михаил Худяков назвал «эпохой национального возрождения» в политической истории казанских татар периода Казанского ханства.

Сахиб-Гирей родился в Крыму, здесь он провел детство и юность. В 1510-1511 годах он сопровождал свою мачеху — ногайскую татарку царицу Нур-Султан в ее дипломатической поездке в Москву и Казань, где она встретила с великим князем Василием III и своим сыном — казанским ханом Мухаммад-Амином. Эта поездка завершилась подписанием мирного договора между Крымом, Казанью и Москвой, чему в немалой степени способствовал и сын Нур-Султан Абдул-Латиф, в то время проживавший в Москве.

Казанский хан Мухаммад-Амин (последний из династии Улуг-Мухаммада) умер в 1519 году, после чего его место занял прибывший из Касимовского ханства Шах-Али. Новый правитель не был популярен среди казанских татар и опирался на поддержку военного отряда во главе с русским послом в Казани Ф.Карповым, по сути, управлявшим делами татарского государства. Поэтому татарами в Казань из Крыма был послан царевич Сахиб-Гирей, который вскоре при активной поддержке местного населения занял казанский престол.

Явная поддержка Москвой кандидатуры Шах-Али привела к войне, в которой на сторону казанцев перешли ногайские и крымские татары. Несмотря на серьезные успехи (татары разорили многие русские земли, включая окраины Москвы), зимой 1522-1523 годов Сахиб-Гирей начал мирные переговоры. Летом 1523 года ситуация резко изменилась: в Казани произошел погром русских купцов, и был убит русский посол В.Поджогин. Великий князь Василий III начал поход на Казань, в котором участвовали и служилые татары. Оставшиеся в Нижнем Новгороде со своими сыновьями, князь отправил дальше своих полководцев: воеводу В.Немого и князя Б.Горбатого. Дойдя до устья Суры, которая являлась границей двух государств, русские полководцы на правом берегу Волги в марийском поселении Цепель обосновали крепость, которую называли Васи-

льев Новгород (Василь-город, Василь-сурск). Этот акт являлся фактическим захватом территории чужого государства, и его неоднозначно оценили современники событий. Так, австрийский дипломат Сигизмунд Герберштейн полагал, что целью походов русских войск было завоевание Казанского ханства, а митрополит Даниил говорил, что великий князь «тем городом всю землю казанскую возьмет». Сахиб-Гирей просил помощи у Крыма, но оттуда был послан лишь небольшой отряд во главе с 13-летним царевичем Сафа-Гиреем. Весной 1524 года Сахиб-Гирей обратился с просьбой об оказании помощи к турецкому султану. Но в Константинополе мало интересовались делами далекого для них Поволжья: турецкой помощи Казань не получила.

Василий III решил нанести решающий удар по Казанскому ханству. Для этого были собраны значительные силы — 150 тысяч воинов, которые возглавил касимовский хан Шах-Али. Сахиб-Гирей, испугавшись, оставил престол племяннику. Новый казанский хан Сафа-Гирей был энергичным и талантливым полководцем и дипломатом. Поэт Шерифи Хаджи-Тархани называл его «обладателем сабли и пера», «источником благородства и щедрости». Проявив незаурядные способности, правитель организовал отпор этому наступлению, сумев отстоять независимость ханства. Обе воюющие стороны понесли большие потери и заключили перемирие. Вскоре Василий III вновь попытался решить проблему военным путем: весной 1530 года флотилия и конная рать были направлены на Казань. На помощь казанцам пришли ногайцы, марийцы и астраханцы. У стен Казани произошли ожесточенные бои. Лишь 30 июля русские воеводы согласились на перемирие, удовлетворившись данью.

В январе 1532 года войска Сафа-Гирея предприняли крупномасштабное вторжение в русские земли. Это вызвало протест казанцев, не довольных агрессивным поведением Сафа-Гирея. Весной 1532 года произошел дворцовый переворот, многие крымцы и ногайцы из окружения хана были перебиты. В июне 1532 года на трон был посажен брат Шах-Али 15-летний касимовский царевич Джан-Али, а над Казанским ханством был установлен московский протекторат.

В декабре 1533 года умер Василий III, а великим князем стал 3-летний Иван IV. Этим воспользовались сторонники избавления Казанского ханства от вассальной зависимости. Летом 1534 года в Казань возвратился Сафа-Гирей. Его младшей женой вскоре стала овдовевшая Сююмбике (Джан-Али был убит в сентябре 1535 года). Начались широкомасштабные походы на русские земли, прекратившиеся временным перемирием сторон в конце 1537 года. 10 марта 1538 года при посредничестве крымского хана Сахиб-Гирея начались мирные переговоры. Осенью 1539 года Сафа-Гирей прервал мирные переговоры и возобновил походы на Московскую. При этом он стремился заручиться поддержкой Ногайской Орды, Астрахани, Крыма и Литвы и координировал с ними свои действия против Москвы. В своем хвалебном письме польскому королю и великому князю литовскому Сигизмунду I Сафа-Гирей сообщал, что «землю московскую звоевал и спустошил ... замки есми инши побрал, а инши попалил»...

Хан Сафа-Гирей. Худ. Нияз Хазиахметов

Кстати, будучи не только «ал-Газыем» («великим воителем»), как его называли казанцы, Сафа-Гирей ратовал и за развитие науки и просвещения в государстве. Так, в годы его правления активно творили казанский ученый ал-Хаджи Атмаджи (автор «Сборника правил науки арифметики») и казанские поэты Мухаммедьяр (убит по указанию Ивана IV в 1549 году, будучи членом казанского посольства) и Кул-Шариф (погиб в октябре 1552 года при обороне Казани). К сожалению, факт уничтожения многих рукописей во время казанского погрома осенью 1552 года вынуждает меня ограничиться лишь этими именами. Подробнее о развитии науки и литературы за весь период существования Казанского ханства читатель может узнать из трудов современных ученых Гамирджана Давлетшина и Хатыга Миннегулова.

В 1545 году повзрослевший великий князь Иван IV взял бразды правления Московской в свои руки. Одним из первых самостоятельных действий 14-летнего правителя стал поход на Казань. 2 апреля 1545 года по Волге, Вятке и Каме на Казань были направлены судовые рати. В Казани уже успели позавтракать о том времени, когда русские войска подходили к городу, поэтому атака с реки была полной неожиданностью. Русский автор «Казанской истории» отмечал, что воеводы «шед повоеваше многия казанския области, кровью наполниша черемиския поля и земли варварския побитыми мертвецы». Хотя в целом успех русских войск был незначительным, тем не менее для судьбы ханства он имел самые драматические последствия, так как неожиданное нападение русских хан посчитал результатом предательства местных татар. Противоречия между казанцами и крымцами обострились, а многие представители оппозиции перешли на службу великому князю Ивану IV.

В мае 1541 года «Буллат князь и вся земля Казанская» тайно прислали в Москву своих представителей и просили направить к Казани русские рати. Посланцы жаловались боярам: «а от царя ныне казанским людем вельми тяжко». Русские пообещали поддержать заговорщиков. Переворот произошел в начале января 1546 года. Казанский летописец писал: «Воста в Казани в вельможах и во всем народе, и во всем люду казанском смятение великое; воздвигоша бо крамолу, все соединившия болшие с меншими, на царя своего Сапкирея и свергоша его с царства, и выгнаша ис Казани со царицами его, и мало не убиша». Многие крымцы были перебиты, а Сафа-Гирей вынужден был уйти к ногайским татарам.

13 июня 1546 года в сопровождении русского военного отряда во главе с князем Д.Бельским в Казань прибыл Шах-Али. Но уже через месяц, под угрозой заговора, он бежал на Русь. При активной поддержке ногайских татар в Казани вновь воцарился Сафа-Гирей. Став ханом в третий раз, он решил навсегда покончить с какой-либо оп-

позицией. Физическому истреблению подверглись все, кто не встал открыто на его сторону. Оставшиеся в живых ушли в Московскую, где были приняты на русскую службу и использовались в борьбе против Казани.

...В начале марта 1549 года Сафа-Гирей умер. [Видимо, он был похоронен в Казани и, кстати, возможно, его кости ныне хранятся в Институте археологии им. А.Х.Халикова Академии наук РТ. Именно такой версии придерживался ныне покойный известный археолог Альфред Хасанович Халиков. Однако ведущий антрополог нашей республики, заведующий биоархеологической лабораторией ИА АН РТ Ильгизар Газимзянов ставит под большое сомнение указанную версию, как не доказанную научно.] В Казани воцарился малолетний Утямыш-Гирей. Иван IV незамедлительно воспользовался этим: в июле 1549 года в Москве состоялось заседание Боярской думы, на котором было решено окончательно завоевать Казанское ханство. 23 января 1550 года 60-тысячное русское войско двинулось к Казани. Однако во время неудачного приступа русские «града не взяша», победа досталась казанцам. Ивану IV стало ясно, что для завоевания Казани необходима опорная база близ города. Обсудив этот вопрос с воеводами и служилыми татарами, он принял решение воздвигнуть таковую на Горной стороне Казанского ханства — в устье Свяги. Наступление началось 16 мая 1551 года. А уже к 30 июля было завершено строительство Иван-города, позднее названного Свяжском. Столь неожиданное и быстрое возведение русской крепости вблизи Казани произвело ошеломляющее впечатление на казанских татар. Дух русско-татарского воинства, боровшегося с войсками хана Утямыш-Гирея, наоборот, сильно окреп и возрос. Население же Горной стороны Казанского ханства «нача бити челом» русскому царю, «хотя служити», что привело к ее присоединению к Русскому государству.

Успешные действия русских войск во время кампании 1551 года наглядно продемонстрировали, что правительство крымского улана Кучака (Кошака) и регентши Сююмбике (матери Утямыш-Гирея) не в состоянии было обеспечить безопасность страны, вследствие чего противоречия между казанскими и крымскими татарами заметно обострились. Опасаясь казанцев, многие крымцы во главе с уланом Кучаком попытались покинуть страну, однако были перехвачены русскими, частью перебиты, а частью взяты в плен и отправлены в Москву и там после отказа креститься казнены. Бегство из Казани крымских татар создало условия для начала мирных переговоров между Казанью и Москвой. Русские дипломаты настояли на том, чтобы 5-летний хан Утямыш-Гирей и его мать Сююмбике были смещены и отправлены в Москву. Казанцев обязали выдать русским также всех иных оставшихся в ханстве крымцев. Ханом Казани уже в третий раз был объявлен русский ставленник Шах-Али...

Писать об известном актёре, о котором вышло сотни статей, показано десятки фильмов, трактующих с видоизменениями факты, события и детали его жизни, всегда ответственно и трудно. Тут, главное, не повториться. Вспомнить только «свое»: чем и как тебе запомнился этот человек. Ничего лишнего.

Март. Время весеннего равноденствия. По восточному календарю Новый год. В Средней Азии он называется «праздник Навруз», когда ещё не жарко, но уже не холодно. О празднике напоминает и цветущая веточка урюка, кем-то из редакторов любовно выставленная на обозрение в кефирной бутылке с водой на подоконнике.

Дверь в редакцию с ветровым плеском распахивается и на пороге появляется с раджа-капуровской раскованностью колготной и весёлый писатель Исфандияр, следом за ним – робко, с едва намечаемой улыбкой на смуглом лице, молодой незнакомец в лёгком югославском костюме светлого тона и в тёмно-каштановых туфлях. Должно быть, тоже импортных. Тогда такие детали одежды и обуви надолго запоминались.

– Здорово, братан! – подходит ко мне Исфандияр, распахивая руки для объятия, поприветствовав, оглядывается по сторонам: – А где остальные сотрудники?

– На обеде.

– А ты что один кукуешь?

– Закончил срочную работу.

– Вот и прекрасно! Пойдём, пообедаем вместе. Да, – спохватывается Исфандияр. – Познакомься, – и кивает на незнакомца: – Мой друг, Талгат Нигматулин!

Мы обменялись крепким рукопожатием. Да, я слышал, что в Ташкенте живёт такой киноактёр, что он недавно снялся в известном фильме «Пираты XX века», сделавший его имя широко известным, узнаваемым.

Куда пойти обедать? В городе выбор большой, но мы направились в уже привычную лагманную, что находилась за правым торцом издательства, а в левом – был продуктовый магазин, в котором Исфандияр, когда мы спустились вниз, «отоварился» бутылкой марочного сухого вина, напомнив, что оно скрепляет знакомство.

Обеденное время подошло к концу. В столовой было полупусто. Мы взяли по кафе (посуда, похожая на большую пиалу) лагмана с бесконечно длинной лапшой ручного изготовления, щедро посыпанного душистой зеленью и «огоньками» стручкового горького перца. При этом повар, в засаленном халате, косоглазо стрельнул в нас и угостил шуткой: «Остри, как перви люблю!» Мы устроились за отдельным столиком во дворике под виноградником, а не внутри душного помещения.

Исфандияр между тем сходил к чайханщику за чаем, принёс чайник и три пиалы. Торжественно открыл бутылку с вином и для начала вместо чая наполнил напиток, воспетым великим Хайямом, пиалы. Выпили за знакомство. Правда, Талгат не стал пить, только пригубил краешек посудинки, сказал, что к спиртному равнодушен и отодвинул пиалу с вином в сторону, при этом с «аксакальским акцентом» констатировал:

– Чай пиёшь – орлом летаешь, водка пиёшь – землём ползёшь!

– Но это же не водка, «сухое», – попробовал возразить Исфандияр, однако его аргумент в пользу лозы, материализованной в божественный напиток, всё равно не возымел действия.

Позже я узнал от близко знавших людей Талгата, что он всё же выпивал с коллегами, часто возвращался домой подшофе – а

Николай КРАСИЛЬНИКОВ, писатель

КОРАБЛИК ТАЛГАТА

кто из нас не грешил такими слабостями? – но я лично и потом никогда не встречал актёра пьяным.

А тогда, при первой встрече, нам с Исфандияром так и пришлось «угворить» бутылку вина вдвоём. За неспешным лагманом и зелёным чаем, выяснилось, что Исфандияр и Талгат однокурсники: оба учатся в Москве на высших сценарных курсах ВГИКа. С недавних пор Талгат стал писать рассказы, стихи.

– Принеси, посмотрим, – предложил я. – Может, что опубликуем.

– По поводу этого мы и пришли, ха-ха-ха! – гоготнул Исфандияр.

Талгат сначала показался мне не очень разговорчивым, больше слушал о нашей около литературной болтовне, а на скабрзные шутки Исфандияра, только улыбался... Пожалуй, эта самая улыбка, чисто Нигматулинская, застенчиво-ироничная, как невидимый щит, «оберег» от всего наносного, врезалась тогда мне в память.

Талгат не пил и почти не ел такой вкусный лагман, при виде которого даже у искушённого гурмана могли бы «потечь в глаза слюнки», на что Исфандияр попенял другу:

– Ну ты, хотя бы закуси!

– Запад ест, чтобы жить, Восток живёт, чтобы есть, – отшутился Талгат поговоркой. – Считай, что сегодня для меня ни то и ни другое не подходит. Я просто отдыхаю!

Пообедав, мы вышли из лагманной. На центральной улице Навои по бетонному лотку возле тротуара бежала пенная мутная вода. Мальчишки с ранцами, видно, после школы, пускали бумажные кораблики. Нигматулин остановился, наблюдая за ними.

– Вот так и я, – вспомнил он, – когда-то пускал свой кораблик. Всё думал, доплывёт ли он до моря?

Прощались. Условились встретиться с Талгатом на будущей неделе. Он обещал принести свои рассказы...

Послевоенный маленький городок, больше похожий на крупный посёлок, Кызыл-Кия, смутно запомнился Талгату вышенными тополями и звонкими арыками, бегущими с далёких гор. Пёстрым базарчиком, бурлившим торговлей овощами и фруктами с огородов и садов сельчан, поджаристыми чебуреками и едкой рыбозажаркой. Остался в мальчишеской памяти и магазин – полукирпичный-полудосчатый, который становился особенно оживлённым два раза в месяц, когда шахтёры получали аванс и зарплату. Оттуда так и валило винным паром, гася все другие желанные запахи – лепёшек, склеившихся конфет-подушечек с повидлом.

Городок был многонациональный, здесь бок о бок – через дом – жили русские, татары, украинцы, казахи, киргизы, турки, ингуши... В семье все говорили на своём языке, не забывая родной веры, традиций и праздников, а на улице, в школе, на работе и в общественных местах общались на русском. Не было никаких крупных ссор и драк, будораживших жизнь и быт местного населения, живших тогда, как и большинство в стране, честно и небогато. Поскольку, как и многие жители Средней Азии, соседи отождествляли себя людьми одной национальности – хороший человек!

В такой обстановке 5 марта 1949 года на окраине Кызыл-Кия в низком кирпичном доме с небольшим садом родился сын татарина и узбечки Талгат Нигматулин.

– Жили бедно, – вспоминал уже взрослым Талгат. – Мама работала в школе. Зарплату получала маленькую. Часто выкраивала из старых отцовских обносок для меня одежду – штаны, рубашки. Швейи она была отменной. И я ей, как мог, помогал: в старинный чугунный уют насыпал мелкий уголь, и чтобы он быстрее нагревался, размахивал им из стороны в сторону. И готовить мама умела отлично буквально из ничего. Из картошки могла, например,

«придумать» с десяток разных блюд. Отца не помню, знаю только, что он был шахтёром, погиб на работе, когда мне не было и двух лет. В доме постоянно не хватало денег даже на хлеб. И чтобы как-то облегчить мамин труд, я подростком стал работать на сахарозаводе, в сапожной мастерской. Мать с большим трудом (у неё на руках ещё был мой братишка) определила меня в детский дом. Хотя там через день на обед подавались макароны – шланги и вермишель – шурки с котлетками подмётной жёсткости, жизнь мне показалась, если не раем, то вполне прекрасной.

В обусловленный день и час Талгат пришёл в издательство. Неуверенно постучал в приоткрытую дверь.

– Заходи смелее, у нас не кусаются! – сказал я.

– А вдруг?! – улыбнулся гость и спортивной походкой подошёл к моему столу. Поздоровался. Сел на предложенный стул.

– Показывай, что принёс.

Талгат протянул мне свёрнутые в трубочку листы с отпечатанными на них рассказами через полтора машинописных интервала и почему-то через копирку.

– А где первые экземпляры? – поинтересовался я.

– Отправил почтой в журнал «Юность» полгода тому назад.

– Ну и как, ответили?

– Молчат или потеряли...

Рассказы оказались короткими, каждый по пять-шесть страниц, и я тут же прочитал их. О чём они были? Первый о послевоенном детстве, второй – о студенческой жизни, ну, а третий – об актёрской среде. В общем о том, что, видимо, было близко сердцу и пережито лично.

Меня, как редактора, всегда интересовало в рукописи автора не только, что он написал, но и то значимое, что могло остаться за её полями. Второе, пожалуй, даже больше. В таком, примерно русле и протекал наш разговор. Только в начале беседы вышла маленькая заминка: Талгат почему-то стал обращаться ко мне по-местному – с приставкой «ака»: «Николай-ака» или просто «ака», старший брат. Нет, не в понимании «старшего русского брата», а просто «брата» по возрасту.

– Брось ты это «ака», – попробовал я «выровнять» наше общение. – Ведь мы с тобой почти одногодки – я: с 48-го, а ты с 49-го года.

– Вы всё равно старше меня на год, поэтому будете «ака», – тепло настоял на своём Талгат.

Нет, первые рассказы Нигматулина не были ученическими. По ним было видно, что Талгат уверенно владеет словом, лепкой образов героев, сюжетом... Умеет разглядеть в обычной примелькавшейся картинке что-то новое, заставляющее обратить внимание, задуматься, улыбнуться или грустить.

Именно на таком поле проходит незримая межа, которая разделяет холодного ремесленника от будущего мастера. Всё это искренно подкупало меня. Я чувствовал нутром, как трудно Нигматулин уходит в своих рассказах от излишней «кинематографичности», не присущей настоящей литературе, сценарной сухости и тривиальных концовок. Конечно, встречались в тексте и отдельные стилиевые погрешности, но они легко были устраняемы, что мы и сделали с Талгатом по ходу чтения.

Заметив, что мы слишком заработались, младший редактор Матлюба Рустмова поставила нам на стол чайничек с чаем и угостила двумя конфетами «Кара-Кум».

Талгат долго вертел в руках конфету ташкентской фабрики «Уртак» с этикеткой,

на которой по пустыне мчались две машины.

– Ака, – обратился ко мне Нигматулин, вспомнив давнее. – Такую конфету я попробовал первый раз на дне рождения моей одноклассницы. До сих пор ощущаю их необычный вкус – шуршание на зубах, напоминающее песчинки... – И, повернувшись к Матлюбе, поблагодарил: – Рахмат, ханум! – что в переводе с узбекского означало «спасибо, лунная принцесса».

– Видишь, какую ассоциацию вызвала в тебе конфета, – заметил я.

– И не только это, – продолжил Талгат. – Сладкого в детстве было мало, к тому же постоянно хотелось есть. Вот мы и ели с пацанами: смолу с деревьев, особенно с вишен, зелёные абрикосы, по-местному «довча», виноградные усики... Словно вчера всё это было!

Угостившись чаем и, пролистав рассказы ещё раз, мы отправились в соседний кабинет к главному редактору по русской части, прекрасному поэту, критику, стилисту и, что немаловажно, честнейшему человеку Вадиму Давыдовичу Новопрудскому – от него в итоге зависела судьба публикации рукописи в альманахе «Молодость», который он курировал.

Отложив в сторону срочные дела, Вадим Давыдович при нас бегло прочитал рассказы, задумался и произнёс: «Здесь что-то есть».

Корневое «что-то есть» оставило надежду, и она не обманула. Вскоре рассказы Нигматулина увидели свет.

Публикация, а тем более, первая, как и всякого начинающего автора, Талгата вдохновила. Когда не было съёмок и случались свободные дни, он нередко заглядывал в издательство «Ёш гвардия» – аналог московской «Молодой гвардии», где нашёл себе, если не друзей, то единомышленников по литературному цеху – точно! Приходило просто так поговорить о прочитанном, поделиться своими творческими задумками, показать новый рассказ.

Нигматулину было уже за тридцать. Несмотря на молодость, за плечами у него был богатый жизненный опыт: учёба в московском цирковом училище и во ВГИКе. Съёмки в небольших или эпизодических ролях на киностудиях в Свердловске, в Душанбе и у себя на родном «Узбекфильме». «Седьмая пуля», «Встречи и расставания», «Сказание о Сиявуше»... Это только три названия, взятые навскидку, из более сорока фильмографических работ Нигматулина. Ни от какой актёрской работы он не отказывался – и всё делал с «полной выкладкой и открытостью души». Это слова самого Талгата.

Настоящую же всесоюзную известность актёру принёс фильм «Пираты XX века» (1979), где он сыграл роль отрицательного героя Салеха.

Не знаю, какое духовное воздействие Салех производил на «правильных» взрослых, но для мальчишек и подростков он, бесспорно, стал неким эталоном своими экзотическими единоборствами. Его узнавали во всех общественных местах – на улице, на транспорте, в магазине, – как узнавали в те годы известных людей: космонавтов, спортсменов, певцов...

Многие хотели познакомиться с известным актёром лично. А сын мой – подросток

Андрей, узнав, что я общаюсь по работе с его кумиром, даже попросил меня сфотографироваться с ним.

В личных беседах Талгат никогда не рассказывал о своих однокурсниках по ВГИКу, набравших широкую популярность – Сергее Никоненко, Наталье Аринбасаровой, Наталье Беловостиковой, Ирине Шевчук, режиссёрах. А ведь мог, наверное, рассказать... Например, о своём близком друге Николае Ерёменко-младшем, об «охоте за барышнями» и других студенческих и более поздних приключениях в многоликой и суетливой столице нашей Родины.

Может, не рассказывал из-за своей излившей скромности, не хотел показывать: «Вот, мол, с какими звёздами я общаюсь!» А может, попросту считал всё это лишним и неуместным? Теперь не узнать.

Даже тогда, когда в кабинете – просторном на четыре письменных стола – нас находилось трое – Новолрудский, Шуф и я, и кто-то попросил Нигматулина показать несколько приёмов карате, так сказать преподать «мастер-класс», он грустно оглядел стены, шкафы, зачем-то потолок и многозначительно улыбнулся: «А зачем?»

И о семье Талгат ничего не рассказывал. Я знал только, что он был уже несколько раз женат, что у него растут сын и две дочери.

Зато защитная реакция памяти, на всё, что существенно и необычно, особенно из детской поры, так нужные для творческого человека, в Нигматулине были отменными. Помню, с каким восхищением он вспоминал о своём первом приезде с матерью к её родственникам в Ташкент. Было это, кажется, в 60-е годы. Как в первый раз в жизни ходил к новому другу смотреть телевизор с линзой, заполненной глицерином для большого увеличения. Как гулял у фонтана возле театра имени Навои, ел фруктовое мороженое за семь копеек и малиновый его запах, затерявшийся между пальцев, долго напоминал о праздничном настроении...

Воистину: поговоришь с одним – и радостно станет, поговоришь с другим – и сразу загрустишь. Второе – к Нигматулину не относилось.

Если о молодой «бурнокипящей» поре, Талгат старался умалчивать в беседах, хранить в тайниках своего сердца, может, для будущего сценария, рассказа, повести или даже романа (а такие задумки жили в нём!), то воспоминания о детстве и отрочестве иногда всё же выплывали из Нигматулина, пусть порой грустными, но неизменно светлыми нотами.

Об одной такой истории, рассказанной Талгатом, я и хочу вспомнить. Сейчас её бы отнесли к жанру «про это». Но с кем не случилось на рассвете нашей жизни подобное хотя бы однажды? Вот и с Талгатом тоже. Произошло это в пятом или шестом классе в детдоме. Талгат впервые влюбился до отчаяния, до безумия, как Меджнун, как Ромео! Нет, не в свою одноклассницу с тугой смоляной косой и длинными ресницами, прикрывающими большие, полные тайн глаза, а в свою... учительницу по русскому языку и литературе, метиску Майю Каримовну. Высокую, стройную, похожую на итальянскую актрису Софи Лорен. Майя Каримовна, зная это старалась быть похожей на любимицу публики – одеждой, причёской и даже «волнообразной» походкой.

Что было известно о личной жизни Майи Каримовны? Немного. Окончила с отличием ташкентский педагогический институт имени Низами. Преподавала в начальной школе. Вышла замуж за крупного начальника. Родила дочку. Потом разошлась. Уехала в соседнюю республику. Предмет свой – русский язык и литература – Майя Каримовна прекрасно знала и преданно любила, что и старалась передать своим ученикам. В общении была строгой, но и великодушной тоже. Поведение и одежда подчёркивали гордость, но не гордыню, цену которой знала только Майя Каримовна.

От любопытных глаз учеников ничего не утаишь. И малейшие попытки ухаживаний за их учительницей тоже. Например, «препода» по физкультуре – невысокого средних лет мужчину атлетического сложения, в прошлом чемпиона-штангиста, улыбчивого, с усиками по моде «щёточкой». Когда рядом никого не было, он постоянно старался приобнять Майю Каримовну. Оказать другое интимное внимание. Талгату страшно не нравилось это.

Он по-взрослому ревновал, и всякий раз ему хотелось залепить чемпиону звонкую оплеуху, но всё не удавалось. За Талгата это вскоре сделала Майя Каримовна на виду учеников. Физкультурник, кажется, отстал со своими навязчивыми приставаниями. Талгат мысленно ликовал. В его воображении Майя Каримовна стала ещё красивее и... недоступнее. Пока...

Был предпраздничный субботник. Детдомовцы занимались генеральной уборкой своих помещений – спален, классов, спортзала, столовой. Когда стали мыть окна, девочкам срочно понадобилось ещё одно ведро. Классный руководитель, ответственный за субботник, послал Талгата к садовнику Латипу за ведром. Латип жил рядом с детдомом на противоположной стороне улицы в саманной кибитке. Тихого и почти незаметного Латипа, вежливого и услужливого, дети и взрослые уважали, сочувствовали его одиночеству.

Сбитая из досок сикось-накось калитка Конька-Горбунка была приоткрыта. Талгат махом пролетел через дворик и остановился возле двери кибитки. Перевёл дыхание. Осторожно постучал. Тишина. Дернул за кривую ручку. Не открывается, но чувствуется, что снаружи заперта на крючок. Садовник раньше никогда не запирался – Талгат иногда бывал у него, то просто поговорить, то чаю выпить. Здесь что-то не так, подсказало сердце.

Талгат обошёл домик и остановился у единственного окошка. Прислушался. Из комнатки раздавался оглушительный скрип полу рассыпанной тахты, заменявшей Латипу кровать. В скрип примешивались непривычные стоны. Талгат привстал на цыпочки, и кровь удивления и негодования ударила его по лицу: Майя Каримовна, ещё недавно такая гордая и неприступная, полуголая сидела на полу рядом с Латипом...

Талгат на обессиленных ватных ногах опустился на землю. Непонятные слёзы обиды и боли давили его, застилали глаза. Он встал и пошёл обратно от внезапно ставших ненавистными – Майи Каримовны и Латипа. Однако возле калитки минутное оцепенение прошло. Талгат огляделся по сторонам и увидел у куста благоухающей розы осколок кирпича.

Он поднял осколок, вернулся и запустил им в окошко Латипа, и убежал.

Дослушав до конца грустную историю Талгата, я сказал:

– Почему бы тебе не написать об этом рассказ?

– Э-э, Николай-ака... Это не моя тема. Я сейчас ищу смысл жизни. Меня больше интересует сверх возможности человека, – ответил Талгат.

– Как же тогда литература, киношные планы? – спросил я.

– А куда они денутся? Они здесь, со мной! – и Талгат постучал пальцем по левой груди.

Именно тогда в первой половине 80-х Талгат познакомился с сектой, во главе которой стояли уроженец города Фрунзе (ныне Бишкек) псевдоучёный Абай Борубаев и народный «целитель» из Каракалпакии экстрасенс Мирза Кымбатбаев. Обоих считали «людьми с уникальными парапсихологическими способностями, представляющими интерес для большой науки».

Нет, они не прятались по явочным квартирам, свободно разъезжали по городам, выступали перед различной аудиторией, находили среди них поклонников и учеников мифического «четвёртого пути», ключавшего в себе различные вероучения, базирующиеся на восточной философии. С этой темой, не совсем внятной, Борубаев даже выступил в ЦДЛ (Центральном доме литераторов) в Москве. Как он туда отыскал дорогу, и кто ему помог, никому неизвестно. Правда, много позже, мой друг и замечательный писатель Рауль Мир-Хайдаров открыл сию тайну: «А я знаю, кто помог Борубаеву, – сказал он, – тогдашний министр культуры СССР Сидоров! Поклонник Рериха и Блаватской, он водил этих шарлатанов по всем «великосветским» салонам Москвы».

Но самое занятное: немногочисленная группка не совсем адекватных писателей и таких же поэтов слушала речь гостя с огромным вниманием, выражая восторг жидкими хлопками.

Талгат же, как многие творческие личности, зачастую наивные, также, к сожалению, оказался подвержен внушению: он стал считать Борубаева неким воплощен-

ем Христа на земле, который, приезжая в Ташкент, останавливался в его доме на Чиланзаре. Но о своём новом друге и кумире, заглядывая на «пиалу чая» в издательство, Талгат ничего не рассказывал, только многозначительно намекал, что у него живёт какой-то о-о-очень высокий гость.

– Ну, а как рассказы, пишешь? – поинтересовался я.

– Куда там... Времени не хватает братья, к скрипу пишу новую песню.

В те годы песня на стихи Нигматулина «Русские берёзы» в исполнении певца Мансура Ташматова часто исполнялась по Всесоюзному радио. Похожие на гимн слова, написанные сыном татарско-узбекского народа, о снежно-блещущих берёзах, являющихся одним из символов России, полюбили слушателей.

Нет, Талгат не был пассивным оптимистом, верящим в эффект Емели и свою судьбоносную щуку. Он упорным трудом, ещё до знакомства с сектой, как искусный ювелир, шлифовал свой талант (иногда ошибаясь), но уверенно шёл к своей цели. Совершенствовал свой интеллектуальный, духовный и физический опыт. О будущем не любил загадывать и однажды в разговоре выдал мне такую сентенцию:

– Вы видели когда-нибудь будущее? Нет. И я не видел. Я боюсь будущего – это... смерть. Я хочу жить настоящим. Плохое оно или хорошее – оно моё. Я в нём живу.

В свои очерды Талгат зачастую в Каракалпакию. Познакомился с тамошними единомышленниками Борубаева, с народным «целителем» и по совместительству сторожем кладбища Мирзой Кымбатбаевым, работницей местного музея... Примеряя на себя образ дервиша, стал побираться по местным базарам, людным местам. Но за пыльным полупорванным «шепотным» прикидом, за чертами правильного смуглого лица, всё равно проглядывало чистое, ранимое сердце благородного молодого человека. Проницательные акакалы-торговцы видели это, отгоняли от своих прилавков с фруктами полурусскими словами:

– Не надо шалтай-болтай... Работай надо. Пошт-пошт!

Мол, не шатайся без дела, проходи-проходи.

Талгат не обижался на такие выпады. Наоборот, близким ему людям признавался: «В песках Приаралья я был самым счастливым человеком!» Парадокс да и только, тебя гонят, а ты – счастливый!

Ничего подобного из уст Талгата я лично не слышал. Об этом мне рассказал каракалпакский журналист Сапаров. Новое увлечение Нигматулина многие считали временной блажью. Увы, блажь превращалась в сущность. Талгат на глазах становился «другим Талгатом». Стал постепенно вдаваться в «эскапизм», то есть, уходить от действительности в мир иллюзий. Я думал это временное явление, как детская болезнь, надо только переждать, и скоро всё пройдёт. Ан, вышло наоборот. Талгат всё глубже и глубже, как за гипнотизированный злым дэвом, каким и был его духовный наставник, как выяснится позже, погружался в его секту.

Перед очередной своей поездкой к Борубаеву Нигматулин заглянул в издательство. Как всегда, я поинтересовался его делами.

– Надо съездить в Каракалпакию к Учителю, – сказал Талгат.

В его голосе слово «учитель» прозвучало уважительно, с большой буквы. Так, наверное, и должно быть, если учитель настоящий.

Я уже был хорошо наслышан со слов

Исфандияра о «выдуманном боже» Талгата, который якобы обладает сверхчеловеческими способностями и возможностями. Но я всегда оставался в таких вопросах твёрдым материалистом, как в притче про одно селение, где все люди были верующими, только поделёнными на две группы и отличались друг от друга одним: первые верили в то, что Бог создал человека, а вторые в то, что Человек создал Бога... Для меня второе – было ближе.

Не скрывая своей досады, я сказал:

– Дайся тебе какой-то Борубаев! Лучше бы ты за это время написал новый рассказ или что-нибудь другое.

– Э-э, Николай-ака... Не говорите так. Ничего вы не понимаете. Скоро о Борубаеве будет знать весь мир! – произнёс Талгат с обидой в голосе.

– Что он новый мессия, Христос?! – съязвил я.

– Может быть...

В те дни я составлял для издательства сборник сказок писателей мира.

На столе у меня лежала раскрытая книга Ганса Христиана Андерсена с подчёркнутыми кем-то строками. Я пододвинул её Талгату:

– Прочти!

Великий сказочник совсем не по сказочному писал: «Думающий атеист, живущий по совести, сам не понимает, насколько он близок к Богу. Потому что творит добро, не ожидая награды, в отличие от верующих лицемеров».

Талгат прочитал и покраснел:

– Это не обо мне!

– А я и не говорю, что о тебе. Просто мне показалась интересной эта мысль.

Потом мы говорили о кино, о книжных новинках. Среди прочего я передал Талгату и давнюю просьбу моего сына – сфотографироваться с ним, назначить день и час. Нигматулин подумал и сказал, что скоро уезжает в командировку, а когда вернётся в Ташкент, то позвонит мне, и тогда мы решим о дне встречи. Когда Талгат засобирился домой, я всё же напрямую решил узнать у него:

– Талгат, можно у тебя спросить об одной вещи?

– Что за вопрос, ака, спрашивайте!

– Не обидишься?

– На обиженных сами знаете, что возят...

– Ладно. Верно, что ты принял христианство?

Талгат неестественно встрепенулся, загадочная улыбка скользнула по его лицу, но он ничего не ответил и, попрощавшись, ушёл. Однако вскоре вернулся, приоткрыл дверь и, не входя в комнату, с порога поинтересовался:

– А кто это сказал?

– Земля полна слухами, – повосточному ответил я, не выдавая нашего общего друга.

– А-а, тогда понятно, – засмеялся он и скрылся.

Увы, эта наша встреча оказалась последней. Жизненный и творческий путь актёра Талгата Нигматулина оборвался в Вильнюсе 11 февраля 1985 года на 36-м году жизни. О горькой вести я не сразу решился сообщить своему сыну, а когда сказал, что вот, мол, теперь ему никогда не придётся сфотографироваться с его кумиром, Андрей вздохнул, очень расстроился и долго переживал.

О трагедии, приведшей к гибели Талгата, его убийцах не буду рассказывать. Эта тема широко освещалась в печати и по телевизору. Был показан фильм, посвящённый памяти Талгата «К вам пришёл ангел», прошедший по телеэкранам России и Европы. Николай Глинский соавтор сценария и режиссёр фильма, в одном из своих интервью вспоминал: «Вера человека часто становится его судьбой. Талгат совершил смертельную ошибку, нарушив заповедь: «Не создавай себе кумира».

А я подумал о другом: о мальчишке послевоенного времени из малоизвестного киргизского городка Кызыл-Кия, что своим исключительным трудолюбием и талантом смог, как говорят европейцы, «сделать себя». Прошёл, словно детский бумажный корабль, через многочисленные жизненные рифы и всё же достиг желанного моря признания. Возмужал, окреп, многого добился, стал известным, любимым миллионами зрителями... Вдали открывались новые горизонты – не снятые фильмы, не написанные книги... Но, увы, море имеет свойство неожиданно штормить. А человек иногда забывает об этом.

Ибраим ВОЕННЫЙ,
журналист-краевед

Защитник обездоленных

Памятник Алиму Айдамаку

В этом году исполняется 200 лет со дня рождения народного любимца Крыма Алима Айдамака. О благородном разбойнике, которого окрестили местным Робин Гудом, написано много историй, народных песен и поэм. Его образ превратился в символ справедливости и чести. Период времени, когда жил Айдамак, был трудным. Тогда прекратило существование Крымское ханство и земли, принадлежавшие ему ранее, вошли в состав Российской империи. На полуострове и внутри самого общества, в частности крымскотатарского, происходили непростые процессы. В это время Алим Айдамак совершает сложный выбор – смириться или встать на тропу войны. Он выбрал последнее.

Алим Азамат оглу родился 1816 году в деревне Копюрликой (Черемисовка), что в 15 км от Карасубазара (ныне Белогорск). Детство его не было сладким – в раннем возрасте мальчика отдали в услужение богатому карасубазарскому караиму, жившему в самом центре города.

Жизнь Алима была безрадостной, но живой ум и сообразительность выделяли его среди сверстников. Будучи озорным, с бунтарским духом, он являлся душой улицы. Как только выпадала свободная от работы минута, он непременно отпрашивался у своего хозяина Соломона, и ноги уносили его подальше от дома караима.

Шло время. Мужал Алим, выросла и дочь хозяина Рахиль. Между молодыми людьми возникла симпатия. Все чаще и чаще отец Рахиль замечал, что его дочь поглядывает на Алима. В его душу закралась тревога: «Не отдам одну-единственную дочь за этого голодранца».

В ту пору городом управляли богатые караимы. Посоветовавшись с ними, хозяин решил избавиться от Алима. Он не спал, все думал, как это сделать. Однажды глубокой осенью, когда уже стало темнеть, на одной из улиц показался Алим. Городовой остановил его: «Ты украл часы у хозяина?» «Какие часы?» – возмутился Алим. Юношу повели во двор, а точнее, в ту лачугу, где он жил. Обыскав ее, начали перетряхивать постель, если ее можно было назвать таковой. Полицейские стали стучать по стенам, шарить по полкам и, наконец, решили осмотреть подоконник. О, Аллах! Из-под него в присутствии понятых они извлекли серебряные часы с цепочкой. «Это ложь!» – закричал Алим, но было уже поздно: понятые подписали протокол об обыске.

Во дворе Алим во всю силу голоса крикнул: «Рахиль, я не крал часы!» Но Рахиль не могла его услышать – она была далеко от Карасубазара, ее увезли в Бахчисарай.

Алима поместили в городскую тюрьму. Следствие велось недолго, и решением городского суда за кражу и озорство Алим был отдан в солдаты, а точнее – в арестантскую роту. По этапу его отправили в Бобруйскую крепость. Военное начальство предупредило: «Будешь исправно себя вести, быстрее вернешься в свой Карасубазар». Алим жил этой надеждой. Перед его глазами стояла Рахиль. Добросовестно он нес свою нелегкую солдатскую ношу.

Прошло четыре года. По велению коменданта крепости в городскую управу Карасубазара отправили запрос, не желают ли они принять Алима, на что караимы в грубой форме ответили: «Не желаем». Узнав это, Алим сказал: «Коли вы меня, честного человека, боитесь,

как вора, так я буду настоящим вором!» Вскоре он из крепости бежал и прибыл в Карасубазар.

Алим начинает мстить своим притеснителям. Он с нетерпением ждал того часа, когда жестоко покарает своего бывшего хозяина, но месть откладывал из-за Рахиль: «Где она и как?..» Пока он раздумывал, Соломон со своей женой Сарой из Карасубазара исчез. Когда Алим об этом узнал, чуть не потерял рассудок. В отчаянии прыгнул на своего любимого коня и помчался на Ак-Кая (Белая скала). Конь с лихостью вынес его на скалу. С душевной болью Алим смотрел на Карасубазар с высоты орлиного полета и думал: «Какой несправедливый мир!» Так Алиму и не суждено было узнать о судьбе своей любимой. Только и осталась от его любви к Рахиль кровоточащая сердечная рана, не зажившая до конца его дней.

Алима в народе прозвали Айдамак – «неуловимый, летучий» – потому, что он умело заметал свои следы: ухитрялся в один и тот же день совершать грабежи в противоположных концах полуострова. Утром разбойничал в Евпатории, а вечером производил переполох в Карасубазаре или Перекопе. Он смело въезжал в город. Чуть ли не все обыватели, не исключая и помещиков, отлично знали его в лицо. Алим гулял на всех татарских свадьбах. Приедет с подарками к молодым, попляшет, повеселится – и был таков!

Бедные жители Крыма всегда могли рассчитывать на помощь Алима. Оказывая ее, он не считался с национальностью. Известен случай, как один симферопольский армянин запутался в долгах и вынужден был уступить свою красавицу-дочь старому греку-ростовщику, владельцу его векселями. Грек поставил ультиматум: «Или давай деньги, или выдавай за меня дочь». Юная армянка плакала, убивалась, но день свадьбы был уже назначен. И тут кто-то надомнил армянина попросить заступничества у Алима. Тот в ту же ночь посетил ростовщика и отнял у него векселя армянина. Приказал отказаться от руки девушки. Имя Алима было так грозно, что грек исполнил его требование.

Слава об Алиме гремела по всему Крыму. Люди грозили своим обидчикам: «А вот пожалуюсь Алиму на тебя!» И жаловались. А он чинил суд и расправу. Суд его был короток: являлся в дом обидчика и брал с него контрибуцию.

В Симферополе были татарские постоялые дворы – караван-сарай, или, как их здесь называли, «ханы». Здесь можно было не только переночевать и перекусить, но и оставить груз, заключить сделку, продемонстрировать образцы товаров. Не случайно несколько таких заведений располагались на базарах. Постоялые дворы «Малый хан», «Желтый хан», «Большой хан» просуществовали почти до начала XX века. Был в Симферополе и «Белый хан», который содержал Мартын Сысоев – армянин, выходец из Турции, двоюродный брат симферопольского купца первой гильдии Хочареса Чирахова. Через много лет выяснилось, что уважаемый господин Сысоев... был одним из укрывателей знаменитого Алим-разбойника. Зять Сысоева, евпаторийский учитель Степан Ульковский, рассказывал, что родственник был в очень близких отношениях со знаменитым разбойником, почитал его как покровителя слабых и угнетенных. В Симферополь Алим заезжал нередко, и каждый раз отправлялся в «Белый хан», где Сысоев всегда держал для него комнату с запасным выходом. Видимо, и постояльцы заведения умели держать язык за зубами – во всяком случае, полиция ни

разу не наведлась в «Белый хан» в поисках Алима.

В один из последних визитов Алим подарил на память Сысоеву свой нож и кнут. В семье Сысоева эти предметы стали реликвией, а в 1912 году были переданы в Таврический музей, где, скорее всего, после многих войн и революций затерялись. Не сохранился и «Белый хан». Постоялый двор купил богатый немецкий купец Бреннер и построил на его месте роскошный дом в готическом стиле. Это приметное здание с башенкой за собором Петра и Павла уцелело, теперь там размещается пожарная часть.

Губернатор Крыма понимал, что сила Алима в татарах: это они его прикрывали и оберегали. В татарские деревни стали чаще выезжать военные. За укрытие Алима налагались денежные штрафы, делалось все, чтобы татары почувствовали, что они в ответе за действия Алима. Волостной голова селения Зуя дал слово поймать Алима. Гонялись за ним, как гончие за зайцем. Алим решил скрыться в Симферополе – там, где его меньше всего ожидали увидеть – в беседке городского сада напротив дома губернатора. 23 октября 1848 года был праздник, полицейские подбирали в саду загулявших пьяниц. Наткнулись они на коня, а в беседке – на спящего Алима. Узнав разбойника, они с трудом его связали и посадили в острог под строгий надзор, где он провёл около девяти месяцев, но, подговорив часового, вместе с ним бежал.

Губернатор был в ужасе! Все дороги Крыма перекрыли, отправились на поиски Алима. На Яйле разбойник решил заночевать. Туда был послан переодетый батальон солдат. В ночь на 25 октября 1849 года в чабанском коше все пастухи были связаны, среди них оказался и Алим. Есть сведения, что местонахождение разбойника выдал его знакомый.

Царь Николай I, наслышанный об Алиме, хотел лично видеть знаменитого разбойника, издав указ, где подчеркивалось, чтобы Алима поймали живым, а после препроводили в Петербург.

В начале декабря 1849 года Алим в возрасте 33 лет предстал перед судом. Петербург требовал смертной казни. Но на совете Алима не было ни одной загубленной жизни, и его судили как беглого солдата, присудив ему шесть тысяч ударов палками и ссылку в Сибирь.

Приговор выглядел так: «Принимая во внимание, что Алим никого не убивал, а только грабил... суд повелел крестьянина Феодосийского уезда деревни Коперлы-Кой Алима Азамат-оглу прогнать через строй 500 человек шесть раз и сослать на Алландинский остров».

Крымский историк Игорь Пасечников писал об этом так: «Алима действительно долго ловили, и дело о нём дошло до самого императора Николая – и это уже не народный вымысел, а данные из Государственного архива Российской Федерации (Москва). Руководителям местной полиции и жандармерии грозили из Петербурга снятием с должностей, если его не поймают в кратчайшие сроки. Его охотно укрывали сплеме́нники, что создавало серьезные трудности по сбору информации и определению местонахождения. Действовал он больше на территории нынешнего Белогорского и Симферопольского района, также был замечен на Судакской дороге. Самое интересное, что приговор ему (наказание шпицрутенами при прогоне сквозь строй и ссылка), если верить переписке руководителей губернии и полиции империи, карандашом на одном из донесений написал сам император, а суд уже потом подтвердил это решение. Алим выдержал

Портрет Алима, худ. Леонид Лелоррен

побои, а потом его клеймили и отправили в Сибирь. Дальнейшая судьба неизвестна».

Существуют несколько версий о дальнейшей судьбе легендарного Алима. Одни говорят, что Алим бежал по дороге в ссылку в Сибирь и уехал в Турцию. В Стамбуле он приобрел хан и открыл кофейню, совершил паломничество в Мекку. Другие утверждают, что он все-таки попал на каторгу, и через несколько лет там умер. Думаю, в этом вопросе точку должны поставить историки, подняв архивы.

Единственный прижизненный портрет Алима был написан в симферопольской тюрьме 11 декабря 1849 года юной французской художницей Леонидой Лелоррен. Этот портрет она подарила госпоже Кушниковой и на своем рисунке напишет: «Если когда-нибудь эти штрихи должны возбудить в вашей душе хоть малейшее воспоминание обо мне, то тогда копия сделает больше добра, чем когда-либо оригинал совершил зло».

Об Алиме народ сложил бесчисленное количество песен и легенд. Многие писатели посвятили легендарному образу Алима Айдамака свои книги. Обширный и очень ценный материал собрал о нем известный крымскотатарский писатель Риза Фазыл в книге «Алим – Къырым йигити» (Алим – крымский джигит), вышедшей в Симферополе в 2005 году. И до сих пор историки занимаются архивными исследованиями и выдают новые сенсационные документальные информации о благородном разбойнике Алиме. А крымскотатарский народ, возвратившись на Родину, стал увековечивать имя своего любимого героя, называя его именем улицы. В микрорайоне Исмаил-Бей города Евпатории одна из улиц названа в честь Алима Айдамака. В селе Тепловка, Симферопольского района тоже есть улица, названная именем Алима Айдамака.

22 января 2005 года при большом скоплении людей состоялось торжественное открытие памятника Алиму, установленного на феодосийской трассе у поворота в село Копюрликой (Черемисовка). Инициатором установки памятника своему славному предку стал известный предприниматель Валерий Керимов.

Каждый крымский татарин – млад и стар – знает истории и легенды о своем народном герое по имени Алим Азамат оглу или Алим Айдамак. На его примерах благородства, порядочности и любви к простому люду, непримиримости к злу и несправедливости воспитывается молодежь. Отнюдь не случайно, многие родители в Крыму называют своих сыновей именем Алим.

г. Симферополь

В моем деле главное душа

время красивое платье. Увы, я ничего не смогла найти. Тогда решила, что буду производить сама. Прокрутила все бизнес-процессы в голове и купила билет в Турцию в один конец.

- Почему именно в Турцию?

- Когда мы говорим о текстильной промышленности, подразумеваем именно Турцию. У меня была небольшая зацепка – в Измире жил брат мужа моей тети. Правда, он не знал ни английского, ни русского, а я не знала турецкого языка. Рассчитывала на то, что буду изясняться на татарском,

открыла шоу-рум в Москве, и постепенно мы стали расширяться. Люди из разных городов страны и из-за рубежа сами писали или звонили с просьбой открыть франшизу по продаже моих платьев.

- У любого дизайнера одежды есть индивидуальный стиль. Как бы вы охарактеризовали свой?

- В моем деле главное душа... С этого все начинается. Я создаю то, что нравится девушкам, а это невозможно воспроизвести. Многие пытались копировать наши модели, но у них не получалось. Клиентки присылали мне фотографии таких копий, над ними можно только посмеяться – чушь какая-то. Миссия нашей компании – дать женщинам всего мира возможность носить скромную, женственную, красивую, модную одежду, гармонирующую с их жизненными принципами, семейными и религиозными традициями.

- Римма, откуда вы родом? В какой семье воспитывались?

- Я родилась в татарской деревне Сафаджай Нижегородской области. Мама Равза Сафиулловна всю жизнь преподавала русский язык и литературу в школе, папа Мухаммат Умарович – ветеринар. Святые люди, я им очень благодарна за все, такой стержень заложили, они давали максимум самостоятельности. Я с детства, вплоть до 11 класса, изучала татарский язык. Три года подряд заводывала призовые места по татарскому языку на олимпиадах в Казани. Единственная за всю историю нашей школы закончила ее с золотой медалью. С 8 класса я работала корреспондентом в областной газете и более крупных изданиях. Писала о морально-нравственном воспитании, брала интервью у знаменитых людей, приезжавших к нам в деревню...

- Все указывало на то, чтобы стать лингвистом...

- Мне казалось, что это слишком просто. В выпускном классе я решила, что буду экономистом и стану работать в «Лукойле», поэтому поступила на экономический факультет Московского университета тонких химических технологий им. Ломоносова. Родители решили, что мне нужно быть ближе к социуму. «Обще-

житие – станет для тебя еще одним университетом», - говорили они. Я и поселилась в общежитии. Это действительно помогло мне адаптироваться к взрослой жизни. Во время учебы на дневном я работала на трех работах. И со временем «перегорела» к нефти и газу, поняла, что очень сильна в маркетинге, в продажах. Накопила немного денег и задумалась, что с ними делать. Купить подержанную машину? Несерьезно: это пассивный актив. И решила на месяц поехать на учебу на языковые бизнес-курсы в Оксфорд, которые сильно перетряхнули мое мировоззрение. Вернувшись оттуда, открыла свою языковую школу, ну а потом, как вы уже знаете, создала собственную торговую марку одежды.

- Вы очень амбициозная и целеустремленная. Это большая редкость для девушки, выросшей в патриархальной татарской семье...

- Наверное, это влияние папы. Он с детства внушал, что я самая лучшая, что буду много зарабатывать и общаться с людьми бизнес-класса. А еще мой дедушка говорил, лучше быть начальником пусть маленького, но своего дела, чем подчиненным на большом производстве.

- Если говорить о религии, вы соблюдаете каноны ислама?

- Религия всегда была мне близка. В свое время в нашу деревню приехал Камиль хазрат..., который стал моим учителем жизни. Он начал преподавать у нас в школе арабский язык и со временем выделил меня среди других учеников - сказал, что начал меня читать намаз. Мы поднимались с ним на холмы около нашей деревни и прямо под открытым небом молились в сторону священной Каабы. Я повторяла за хазратом все слова и движения. Такие священные моменты запоминаются на всю жизнь. Еще ребенком я ездила в мусульманские лагеря в Нижегородской области, там мы пять раз в день читали намаз, учили арабский, введение в основы ислама, изучали жизнь и хадисы пророка и сдавали экзамены. Это было не просто, но очень интересно.

- Что касается вашего бренда, это все же мусульманская одежда или светская?

- Мой принцип – быть честной во всем и всегда. Вначале бренд позиционировался как бренд мусульманской одежды. Я сама носила закрытые длинные платья «под горло», правда, еще не созрела носить хиджаб. Поэтому в рекламных компаниях выкладывала фотографии без платки. Потом поняла, что производить только мусульманскую одежду не могу, поскольку сама в жизни не всегда ношу длинные юбки и блузки с длинным рукавом. Вот почему внедрила в производство юбки длиной миди и платья с рукавом три четверти. Мы позиционируемся как бренд женственной скромной одежды. Это, по крайней мере, честно. Я считаю, что нет прелести в короткой юбке. Надо выражать свою красоту через скромность, надо носить если не длинные платья, то хотя бы платья ниже колена. Когда я познакомилась со своим будущим мужем, он очень недоумевал по поводу моих нарядов, спрашивал, удобно ли мне ходить в длинных платьях, но в итоге все-таки женился на мне. Такой вот парадокс. Поэтому советую всем татарским девушкам носить скромные платья.

- Намерены ли вы как-то расширить или развивать свой бизнес?

- Недавно я вышла замуж, весной родила ребенка. Это такое счастье! Все свое время стараясь посвящать семье и сыну. Кстати, разговариваю с ним только на татарском: думаю, русский язык сам прикрепится. Видимо, так природой устроено - материнство раскрывает в женщине древнейшие инстинкты. Дети учат нас тоньше и лучше понимать жизнь. Окружающие замечают, что я стала другой – спокойной и уравновешенной. Не исключаю, что когда-нибудь, когда сын подрастет, заскучаю. Тогда можно будет думать о том, чтобы вывести свой бизнес на другой уровень, привлечь серьезные инвестиции. Возможно, это будет производство одежды в сегменте «люкс». В любом случае, на чем я стою и стою, – это будет женственная одежда. Пока я изо всех сил торжожу, потому что понимаю: как только это произойдет, ты уже не сможешь устраивать себе выходные с шашлычком на природе или не уедешь на целый месяц с семьей к морю. Будут совсем другие деньги и другая ответственность. Для меня настоящий успех заключается в гармоничном совмещении карьеры и семьи. Я каждый день работаю над тем, чтобы найти свою золотую середину.

Лейсан СИТДИКОВА

Rimma Allyamova - молодой и амбициозный бренд одежды, названный в честь его основательницы. Эту марку отличают женственные коллекции, в которых преобладают длинные платья и юбки. Фирменные магазины бренда работают во многих городах России, на Украине, в Казахстане, Румынии, ОАЭ, Египте, Германии, Норвегии и других странах. Римма Аллямова признает, что стремительно взлету бизнеса в немалой степени способствовал возросший интерес к отечественным дизайнерам и мусульманской одежде, но при этом справедливо замечает: «Не может быть одежды, привязанной к какой-то профессии, наш успех – это результат кропотливого труда, вложенного в разработку эксклюзивных тканей, безупречную посадку моделей и внимательный подход к запросам аудитории».

и он меня как-то поймет. Когда прилетела, он рассказал мне, на каких улицах Измира я могу найти швейные цеха и магазины тканей. Начала гулять по городу. Знаете, в чем фишка этих маленьких цехов в Измире?! Они отшивают крупные партии для бутиков в Европе и США. Так что никто вообще не хотел со мной разговаривать. Я для них была никто, девочка без имени. В конце концов, меня все-таки пожалел директор одного цеха. Каким-то чудом мне удалось договориться с ним на производство первой партии коллекции. Пообещала за это в дальнейшем размещать хорошие заказы. Купила ткани, нарисовала эскизы платьев, обсудила это с технологом. И когда в цехе сшили два образца, и мы их утвердили, оплатила заказ и улетела в Москву.

- Привлечь инвестора, желающего вложить деньги в новый бизнес, сложно. Как вам удалось это сделать?

- Это были заработанные мной деньги. Все, что я везла с собой, это был мой неприкосновенный запас в 2000 долларов, которые я сумела отложить благодаря прибыли от созданных мной курсов английского языка. Когда из Турции пришли первые 120 платьев, я их полностью распродала и вскоре поняла, что создавать одежду у меня получается лучше, этот бизнес рентабельнее. Я начала продавать коллекции по интернету, затем

- Римма, с чего начался ваш интерес к дизайну одежды, к моде?

- Все произошло совершенно случайно. В 2012 году я собралась лететь в Казань на конференцию имама московской мечети Шамиля Аляутдинова. Мне было необходимо купить скромное, длинное и в то же

Ямаш ИГӘНӘЙ

Шағырһь һәм журналист Ямаш Игәнәй (Ананий Нестер улы Малов) (1938-1997) ТАССРның Сарман районында урнашкан керәшен татарлары авылы Ләкедә дөнъяга килә.

Шигърият һәм публицистика өлкәләрендә зур мирас калдыра. Кече яшьтәге балалар өчен төрле елларда «Иолдыз булып ян», «Хәзинәләр иле», «Игелекле төбәк», «Мин әтигә охшаган» исемле шигърь жыентыклары дөнъя күрә.

ЯМЕ БЕТТЕ

Уйнаганда чәчен тарттым
Миләүшәнәң,
Ул үпкәләп өйләренә
кайтып китте.
Кояш та күмелде бо-
лыт арасына,
Уенның бөтен кы-
зыгы, яме бетте...

ӘТИ КАЙТЫР ЭШТӘН...

Һәммәсе дә эзер:
Чәй кайнаган күптән,
Мичтә бәләш пешкән...
Тик әтинең кайтып
Житәсе бар эштән.

Тынлык. Сәгать кенә
Тек-тек килә өйдә.
Барыбыз да көтә:
Әни, мин, кечкенә
Миләүшә бишектә.

Кайтып керер әти,
Әниемне үбәр,
Мине күккә чөяр.
Бишегеннән алып
Миләүшәнә сөяр.

Балам багалмам

Идән юганымны,
Су китергәнемне
Әни аңа сөйләр.
И сөенер әти,
Улым уңган, дияр!

Сагынып, зарыгып
Барыбыздан битәр
Әтине мин көтәм:
Ул кайтудан да зур
Шатлык бармы икән
Бу дөнъяда бүтән?..

ЙОКЛАРГА ЯТКАЧ

— Әби, туп ник
суга керә? —
Диеп беркөн
сорау бирә

Нәни Алсу әбисенә.
— Ул бик яхшы йөзә белә.
— Туп нигә биек сикерә?
— Зур булып үсәсе килә.
— Ә соң ул нигә сөйләшми?

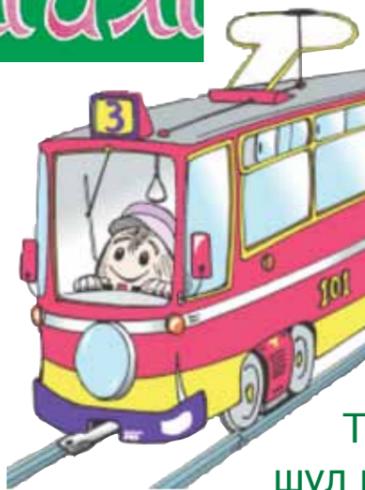
— Акыллы булганга
күрә,
Акыллылар йоклый
төнлә...

ӨЙРӘНДӘ

Бал корты чәчәктән
чәчәккә
Очып йөри бал
эзләп.

Безнең Акбай яныннан да
Уза алар безелдәп.
Акбай өрөп артларыннан
Куа дуамалланып.
Комачаулаганын күрөп,
Түзмәде бер корт моңарга
һәм чакты ачуланып.
Качты Акбай, шеште борын
Күзләрдә яшь мөлдери.
Белде ул —
Хәзер эшеннән
Беркемне дә бүлдерми...

ТРАМВАЙДА

Мин, Миләүшә, Акбай — өчәү
Яңа шәһәргә бардык.
Акбайны куян итмик дип,
Аңа да билет алдык.

КОЯШ ЧЫККАЧ

Кояш чыкты,
нур сибелде,
Мин — учка
нур тотмакчымын.

Тотып алып,
шул нурларның
Гомер серен
отмакчымын.
Бар дөнъяны
балкытырга
Берәр яры
очмакчымын...

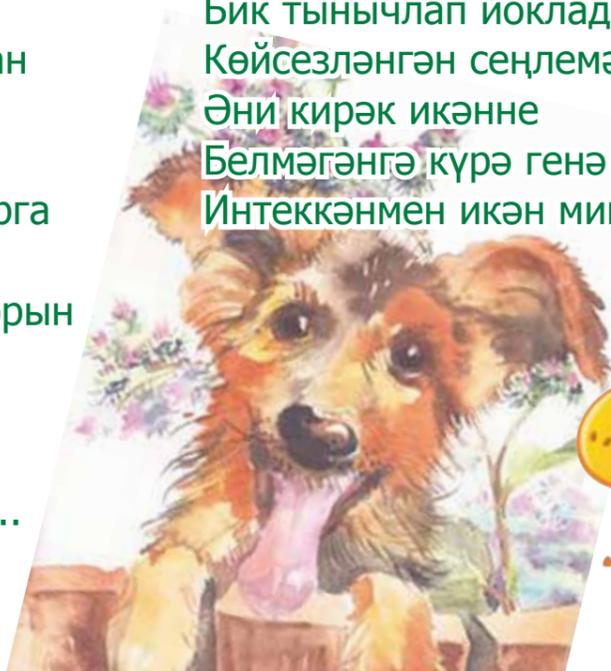

СӘБӘБЕН БЕЛМӘГӘНМЕН

Кечкенә сеңлем Дилә
Әни юк чакта өйдә
Елый да елый менә.
Аптырадым. Аның белән
Нишләргә инде миңа?

Сөт биреп тә карадым,
Имезлек тә каптырдым,
Әллә ничә тапкыр урынын
Алыштырып яткырдым.
Маэмайны да, ярдәмгә
Песине дә чакырдым.
Уйламый да туктарга.
Болай булгач кирәк инде
Берәр хәйлә уйларга.

Килгән идем янына
Әни күлмәген киеп,
Елавыннан туктады,
Бик тынычлап йоклады.
Көйсезләнгән сеңлемә
Әни кирәк икәнне
Белмәгәнгә күрә генә
Интеккәнмен икән мин...

22 декабря 2016 года Татарский академический театр имени Галиаскара Камала будет отмечать 110-летие со дня рождения профессионального татарского театра. Редакция предполагает ознакомить читателя с деятельностью наиболее значительных татарских театров, находившихся за пределами Татарстана.

В истории российского государства, в развитии ее горнозаводской промышленности ведущее место, начиная с XVIII века, принадлежало Уралу. С развитием горной промышленности связан и рождение его крупных центров – Екатеринбург (Свердловск) – 1723 год, Челябинска – 1787 год, Троицкой крепости в 1743 году, получившей впоследствии статус города и являющегося как бы караван-сарая на пути между западной и восточной Россией, одним из центров меновой торговли и с зарубежным Востоком – Персией, Турцией, Китаем.

Постепенно в этих городах возникают татарские школы-медресе, позднее русско-татарские школы, гимназии, зарождаются очаги культуры. Наиболее активно национальная культура начинает развиваться после революции 1905 года. В разных городах возникает своя пресса, создаются самодеятельные театральные коллективы, появляются предпосылки рождения профессионального театра в Казани, позднее в Уфе и Оренбурге.

А в городах Приуралья начинают активно работать театральные, музыкальные кружки, проводятся так называемые «Восточные вечера» («Шэрык кичэлэре»), на которых читались стихи, пелись песни, оркестры национальных инструментов играли народные мелодии, исполнялись восточные и татарские танцы. В Уральске в 1905-1906 годах в таких вечерах активное участие принимали поэт Г. Тукай, в будущем руководитель татарского театра Г. Кариев, известный певец К. Мутыги.

Но более интенсивно театральная самодеятельность уральского региона развивалась в Троицке, в городе где около 35 процентов населения составляли татары. В этом городе было медресе, мужская и женская татарские школы. Молодежь этих учебных заведений, а также значительная прослойка приказчиков, учителей, конторщики, фельдшеры – являлись участниками самодеятельности. Сохранившиеся фотографии, афиши, программки тех лет свидетельствуют о создании в январе 1910 года прогрессивной молодежи города под руководством М. Давлетшина «Троицкого общества поощрения театрально-музыкального искусства». В том же году они поставили комедию Г. Камала «Первый театр», где роль Вали играл впоследствии известный актер Л. Аитов, Гафифы – М. Миннулла (первоначально во всех мусульманских театрах женские роли исполнялись мужчинами). А ровно через год они ставят пьесу «Несчастный юноша» Г. Камала,

Ильтани ИЛЯЛОВА, театровед

Татарские театры на Урале

в 1912 г. – детский спектакль «У страха глаза велики» (перевод с русского). В театральной библиотеке Ленинграда хранятся экземпляры этих пьес, посланные Троицким обществом для получения цензурного разрешения и сопроводительные письма за подписью Г. Бурнаева.

Все это говорит о том, что тройчане внимательно следили за культурной жизнью Казани и были с ней довольно тесно связаны, ибо сразу вслед за ней ставили появившиеся новые пьесы. Об этом же говорит и сохранившаяся программа от 28 февраля 1914 года, свидетельствующая о том, что в зале общественного собрания (ныне городской дом культуры) Троицкое общество поощрения сценического искусства и музыки проводит «Восточный вечер». В программе вечера из двух частей.

1. Представление спектакля «Свекровь» Г. Камала. Участники: Шахгалий, Исахов, Камская, Уральская, Идельбай, Исахова.

2. Картина из жизни Востока. Хор, песни, танцы. Режиссер Д. Мухаметдинов.

По воспоминаниям старейшего музыканта, тройчанина Исм. Илялова в самодеятельном театре ставились еще и другие пьесы Г. Камала, а также С. Рамеева. Участниками драмкружка были еще и Ш. Мавлютов, И. Яушев, И. Альмяшев, А. Юнусов, Исхак Илялов, И. Чанышев.

Представления шли довольно регулярно, в основном по пятницам, в здании Общественного собрания, иногда в актовом зале гимназий. Эти «Восточные вечера», спектакли, выступления музыкантов, литературные встречи вызывали к себе большой интерес тройчан, приобщали их к современной татарской литературе, театру. И неслучайно многие из участников этих самодеятельных кружков впоследствии, уже после революции перешли на профессиональную сцену.

Бурная активизация театрального дела в Троицке, Челябинске, Свердловске, как и по всей стране, начинается после революции. Если до революции татарское сценическое искусство на Урале в основном развивалось в форме самодеятельности и частного предпринимательства, то после 1917 года заботу о развитии искусства берет на себя государство. Причем театр закономерно рассматривается как институт просвещения и поэтому он входит в ведение Наркомата просвещения.

Традиционно пролетарский Урал состоял из десятков разных народов и народностей: русских, украинцев, татар, башкир, удмуртов, чувашей, коми, казахов и других. Поэтому на повестке дня стоял важнейший вопрос о создании школ и театров на национальных языках. Первый нарком просвещения А. В. Луначарский говорил о том, что местные руководители обязаны в одинаковой мере заботиться о просвещении всего населения независимо от языка, на котором они говорят.

Судя по документам, программам, фотографиям и афишам, в Троицке и в годы гражданской войны продолжал работать самодеятельный татарский театр. Например, в декабре 1918 года

в помещении женской гимназии состоялся «Детский вечер» с песнями и спектаклем. По всей вероятности, подобные детские вечера проводились татарской труппой неоднократно. Вместо билета зрители при входе отдавали принесенные игрушки, учебные пособия, порой и деньги. Таким образом, было собрано 374 игрушек и 150 тысяч рублей.

В августе 1919 года этот театр преобразовывается в профессиональный. И уже в отчете подотдела нацменьшинств от февраля 1920 года о Троицкой труппе пишется: «Успешно работает мусульманская труппа на татарском языке, ставит 5 спектаклей в месяц... число артистов увеличено до 16 человек».

До революции и в те годы при подборе актеров существовал принцип так называемого актерского амплуа. Троицкая труппа подбиралась с учетом данных требований. М. Надрюков свидетельствует, что, например, И. Шагдалеев был на амплуа резонера, стариков, характерных и комедийных персонажей, Х. Илялова

– молодая, лирическая героиня, с певческим голосом, Э. Сабитов – молодой герой-любовник, с певческим голосом и так далее. Такой разнообразный состав позволял включить в репертуар театра лучшие татарские пьесы: «Галиябану», «Ак калфак», «Асылъяр» М. Файзи, «Казанское полотно», «Угасшие звезды», «Без ветрил» К. Тинчурина, «Первый театр», «Несчастный юноша» Г. Камала, «Тахир и Зухра» Ф. Бурнаша, а также переводные произведения «Аршин мал-алан» У. Гаджибекова, «Разбойники» Ф. Шиллера и другие.

В конце 20-х в начале 30-х годов в Троицком театре периодически работают известные актеры татарского академического театра – Мухтар Мутин, Бари Тарханов, Гиляз Казанский, Сара Садыкова. Афиша от 4 июня 1931 года говорит об открытии летнего сезона театра, одновременно приводится состав труппы, художественным руководителем которого был Исхак Илялов, а октябрьская афиша зимнего сезона 1930-1931 годов сообщает о постановке трагедии «Коварство и любовь» Ф. Шиллера.

На рубеже 20-30-х годов, как вспоминает М. Надрюков, Троицкий татарский театр вырос до крупного профессионального коллектива, «уступающего в это время только академическому театру в Казани».

Летом 1931 года в Свердловске состоялась Олимпиада театров Урала, на котором очень хорошо показался Троицкий театр. В результате по решению Уральского ВКП(б) его переводят в Свердловск – центр Южного и Среднего Урала, под названием «Уральский центральный татарско-башкирский рабочий передвижной театр». Директором и художественным руководителем назначается И. Илялов. Актерская труппа состояла из М. Надрюкова, И. Шагдалеева, Х. Иляловой, М. Шайхутдиновой, Ш. Усманаева.

Одно из постановлений того времени гласит: «Театр должен быть мобилизуемым центром трудящихся на борьбу за промфинплан и на участие в текущих политических кампаниях».

Очень любопытно, что в составе художественного руководства театра наряду с главным и очередным режиссером, литсотрудником, художником утверждалась и должность политрука.

Был определен и маршрут труппы. Ей вменялось обслуживание Свердловска, Челябинска, Магнитогорска, Троицка, Асбеста, Шумихи, Берды, Миаса, Ялан-Катая, Нижнего Тагила, Чусовой,

Молодые самодеятельные музыканты из Троицка. 1913г.

Перми, Сарапула, Красноуфимска, Златоуста, Березников, Кизила, Губахи, Соликамска, Воткинска и целого ряда других населенных пунктов, лесозаготовок и новостроек. Актеры не только показывали свои спектакли и давали концерты, но на местах выпускали стенгазеты, проводили собрания, организовали подписку на газеты, то есть были полными представителями советской власти.

Однако актерский быт был довольно тяжелым. По словам бывшей актрисы театра М. Шайхутдиновой, бригады, подготовив гастрольную программу в Свердловске, в помещении татарско-башкирского клуба разъезжались по разным маршрутам. Выступали прямо в бараках. Представление состояло из двух частей. В начале агитплакат в театрализованном виде: в ритме марша выходили актеры (5-6 человек) и в чеканной форме говорили о достижениях, рекордах конкретных людей, затем выходила вторая группа актеров и приговождала к позорному столбу лентяев, прогульщиков. Во время исполнения агитплаката актеры были одеты в униформу – темно-синюю блузу с изображением на груди шестерни, с коричневыми кожаными обшлагами и воротником.

Во втором отделении были отрывки из спектаклей. Представления вызывали широкий резонанс, бурные обсуждения. Ведь рабочие впервые приобщились к театральному искусству, да еще на родном языке.

Со временем постоянная передвижная жизнь, полное отсутствие бытовых условий, начали приводить к различным заболеваниям среди актеров. Все это привело к тому, что к середине 30-х годов рабочие театры были повсеместно ликвидированы. Уральский татарский театр закрылся в конце 1933 года. Актеры его разъехались по разным городам страны.

В Уральском регионе дольше других коллективов сохранился Челябинский театр, зародившийся еще в 20-е годы и с перерывами просуществовавший до начала войны. Судя по воспоминаниям актеров тех лет, троичские актеры

попеременно работали в Челябинске. Неслучайно режиссером Челябинской труппы был назначен актер из Троицка. Позднее, после реформирования Уральского театра часть актеров перешла во вновь организованный в феврале 1935 года Челябинский татарский театр, получивший статус колхозно-совхозного. В репертуаре в основном была национальная классика – «Банкрот», «Распутство» Г. Камала, «Голубая шаль» К. Тинчурина, «Молодые сердца» Ф. Бурнаша, «Хаджи эфенди женится» Ш. Камала, «Галиябану» М. Файзи, «Наемщик» Т. Гиззата. Фактически театр на протяжении всех 30-х годов повторял дореволюционный репертуар татарских трупп.

Во всех сохранившихся архивных материалах 30-х годов рефреном звучит мысль о неблагополучии труппы. Театр с момента

организации не имел собственного помещения, поэтому ему приходилось постоянно снимать в аренду то здание клуба ГРЭС, то ЧТЗ, то еще какое-нибудь непригодное помещение. Это привело к тому, что 1937-1938 годах Челябинский театр базировался опять в Троицке в помещении бывшей мечети, потом в здании русского театра.

Так как Челябинский театр был передвижным, то он обслуживал и сельские, и рабочие районы, но и тут в документах театра, в отличие от Уральского театра, постоянно слышится жалоба на отсутствие или нехватку транспорта и горючего. Отсюда и невыполнение плана по обслуживанию зрителя, о чем свидетельствуют финансовые отчеты.

С марта 1939 года театр опять перебирается в Челябинск и получает наименование Областного передвижного драматического театра. Но помещение опять не было предоставлено. Театр плохо снабжался, отсюда убогие декорации и костюмы. Часто менялся актерский и режиссерский состав. И, пожалуй, впервые за всю историю уральских театров, в архивных документах говорится о нездоровой атмосфере внутри коллектива. Он был предоставлен самому себе, им никто не занимался и не руководил.

Только в 1940 году появляются в афише такие современные названия, как «В лесу» Ф. Хусни, «Шамсекамар» М. Аблеева, «Родина» Р. Ишмурата, «Любовь Яровая» К. Тренева.

Когда началась война, многие актеры были мобилизованы в армию, и театр был расформирован.

А после войны в Свердловске, Троицке и Челябинске образовались самодеятельные татарские театры, позднее получившие название «народных». Среди уральских театров пальма первенства, бесспорно, принадлежит коллективу небольшого города Троицка. Именно его труппа становилась костяком Свердловского и Челябинского театров. Все эти коллективы сыграли значительную роль в просвещении, идейно-эстетическом воспитании народа.

Абдулхан АХТАМЗЯН, профессор МГИМО МИД РФ, заслуженный деятель науки РФ, почётный академик АН РТ

Юлдуз Нуриевич ХАЛИУЛЛИН – востоковед по образованию, дипломат по профессии. Родился в 1936 г. в деревне Иске Кызыл Яр Агрызского района Татарстана, в семье крестьян. Окончил МГИМО МИД СССР (1964) и Дипломатическую академию МИД СССР (1978), а также аспирантуру той же академии, где он успешно защитил диссертацию на тему «Экономическая дипломатия Пакистана» (1980). В 1999 г. Ю. Н. Халиуллин был избран членом-корреспондентом Международной экономической академии Евразии (МЭАЕ).

«Путь, приведший меня в Министерство иностранных дел, которое во всём мире считается одним из элитных государственных истеблишментов, был довольно заковыристым», – пишет он в одной из своих книг. Ю.Н.Халиуллин окончил с отличием татарскую семилетнюю школу и в 1951 г. поступил в Казанский механико-технологический техникум. Молодой электромеханик был направлен на камвольно-суконный комбинат в Краснодаре. Однако вскоре был призван в ряды Вооружённых Сил, где освоил специальность радиомеханика. По демобилизации хотел поступить в Казанский авиационный институт, по пути заехал в Москву и подал заявление в Институт международных отношений МИД СССР и выдержал конкурсные экзамены.

За годы учёбы освоил индийские языки – урду, хинди, а также английский язык, специализировался по странам Южной Азии. Проявил способности к научной работе и был принят в очную аспирантуру по кафедре государственного права зарубежных стран МГИМО, но вскоре МИД СССР направил молодого специалиста на работу в посольство в Индонезии. С этого момента Ю. Н. Халиуллин около сорока лет находился на дипломатической службе МИД СССР, а затем МИД новой России. В общей сложности проработал около 20 лет в дипломатических представительствах страны в Индонезии и Пакистане, в Румынии и Бангладеше, в Непале и Шри-Ланке, а также в Киргизии и Казахстане.

В период серьёзных потрясений и испытаний, приведших к распаду советского государства, он оказался на посту Временного Поверенного в делах СССР в Королевстве Непал. «Мне пришлось с болью в сердце, – пишет он в своей книге, – наблюдать с «крыши мира» этот трагический процесс – исчезновение некогда могущественного СССР с политической карты мира. Не просто наблюдать, а по возможности разъяснять суть происходящих событий руководителям Непала и влиятельным политическим деятелям страны пребывания. Причём разъяснять с таких позиций, чтобы не оттолкнуть Непал от нас, не допустить ухудшения двусторонних отношений, сохранить их дружественный характер, накопленный десятилетиями сотрудничества». В тревожные августовские дни 1991 г. он трижды встречался с премьер-министром Непала Г. П. Койралой, с которым ему удалось установить дружественные, доверительные отношения.

Во время работы в Казахстане Ю. Н. Халиуллин написал и опубликовал кни-

МЫСЛИТЕЛЬ...

гу «Восток глазами дипломата» (Алма-Ата, 1999 г.), в которой обобщил свой многолетний дипломатический опыт. Вторая часть книги под тем же названием была издана в Казани (2001 г.), где освещаются различные аспекты дипломатической службы и российской внешней политики. Рассказ очевидца о политических событиях удачно сочетается с описанием восточной экзотики: джунгли Калимантана, непальские Гималаи, пальмы Шри-Ланки и курорты Мальдивского архипелага.

В своих книгах он с любовью описывает тех людей, с которыми сталкивалась судьба. Среди них – президент Индонезии Сукарно и премьер-министр Пакистана Бхутто, президент Мальдивов Гаум и премьер-министр Непала Койрала, академик Гольданский и востоковед Ю. Н. Рерих. Его книги плотно насыщены малоизвестными материалами о подготовке дипломатов и об особенностях дипломатической службы, о министрах иностранных дел СССР и РФ, о семейных кланах восточных стран. Всё это, по существу, впервые в печати.

Моё внимание привлекло, в частности, отточенное описание трудностей, испытываемых дипломатами в течение всей работы. В такой откровенной формулировке этого сюжета у других дипломатов я не встречал. «Когда дипломаты находятся за рубежом, они как бы живут в двух-трёх измерениях: жизнью своей страны среди своих сограждан; жизнью страны пребывания, подчиняясь её обычаям и традициям; и, наконец, жизнью дипломатического корпуса, куда входят представители многих стран. Следовательно, так или иначе, дипломат находится под пристальным наблюдением различных спецслужб – «своих», «чужих» и «совсем чужих». Любые нарушения и отклонения от норм такой многослойной жизни могут быстро и навсегда отлучить дипломата от работы в этой специфической сфере. Многие не выдерживают такой прессинг, и те, которые остаются в строю, должны подчиняться этим строгим требованиям в течение всей служебной деятельности. Нередко они не могут полностью адаптироваться к нормальной жизни и после отставки с дипломатической службы. К такой категории, возможно, отношусь и я».

Но должен сказать, что после выхода в отставку с государственной службы Ю. Н. Халиуллин не растерялся и быстро подключился в сферу публицистики. Он, как член-корреспондент МЭАЕ, в 2002–2014 гг. принимал участие на различных международных конференциях, состоявшихся в Москве и Казани, Тегеране и Лондоне. Опубликовал ряд статей по внешней политике Индонезии и Пакистана, Киргизии и Казахстана. За последние 5–6 лет им опубликовано около сотни статей на русском и татарском, английском и немецком языках. В них отражаются оценочные высказывания и взгляды автора по многим вопросам – от переводов современной татарской поэзии на английский язык до актуальных проблем ядерной физики и экологии Мирового океана.

Среди наиболее интересных и необычных публикаций Ю. Н. Халиуллина я бы назвал его политические и документальные эссе о трёх выдающихся личностях XX века: о Бурхане Шахиди – китайском государственном деятеле татарского происхождения; о пакистанском учёном Абдусе Саламе – лауреате Нобелевской премии по физике; о Джеймсе Джойсе – ирландском писателе, лидере европейского и мирового модернизма истекшего века.

Дипломат, ВОСТОКОВЕД, МЫСЛИТЕЛЬ...

Недавно Юлдуз Нуриевич приятно удивил своих друзей – он с головой окунулся в совершенно незнакомую сферу науки и писательского труда. Углубился в квантовую физику и стал изучать «жизнь» элементарных частиц и законы их взаимодействия. Вот как описывает этот невидимый мир квантовой физики бывший карьерный дипломат, не физик, не историк науки, а просто необузданный писатель. «Невидимый атом состоит из сотен частиц, связанных между собой законами взаимодействия. Одних нейтрино имеется полдюжины видов. Семейство мезонов достигает почти десяти: два мю-мезона, три пи-мезона, четыре К-мезона. Большая семья нуклонов и целые выводки тяжёлых частиц, очаровательные и странные кварки пяти-шести «ароматов» из трёх различных цветов – красного, зелёного и синего, гипероны различных оттенков и т. д. Для обозначения их имён греческого алфавита давно уже не хватает».

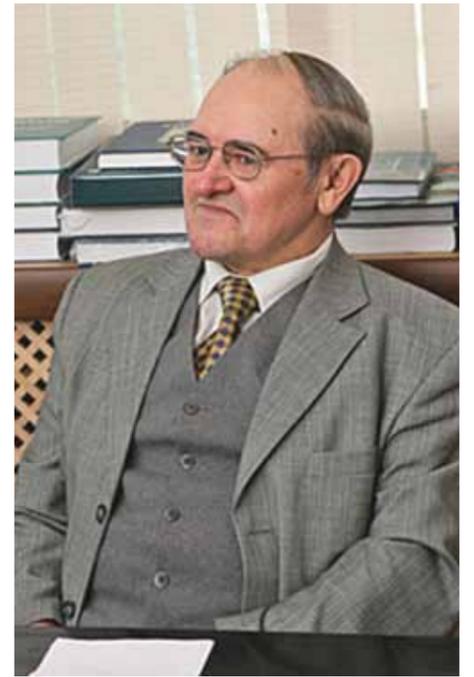
Здорово, красиво и даже почти приятно и для меня, неспециалиста. Я привёл выдержки из его книги, которую он написал за полгода и издал летом 2006 г. в одном из московских издательств. Более того, презентация книги состоялась в четырёх городах, удалённых друг от друга на несколько тысяч километров, – в Лондоне и Дубне (в Объединённом институте ядерных исследований), в Нью-Йорке и Вашингтоне.

Книга представляет собой первый на русском языке научно-популярный очерк о жизни и творчестве выдающегося мусульманского учёного, лауреата Нобелевской премии Абдуса Салама (1926–1996). Один из создателей современной «стандартной модели» структуры атома профессор Лондонского университета Абдус Салам вошёл в мировую науку как крупный исследователь законов взаимодействия элементарных ядерных частиц. Он был основателем и в течение тридцати лет бессменным руководителем уникального Международного научного центра теоретической физики в Триесте (Италия), носящего ныне его имя. Через учебные залы этого центра прошли 100 000 молодых учёных из 100 стран мира, главным образом из развивающихся стран.

Юлдуз Нуриевич Халиуллин написал книгу очень быстро (за несколько месяцев), но предварительно посвятил много времени изучению биографии и научного наследия учёного, в том числе не только по книгам и монографиям, опубликованным на европейских и восточных языках. Он сумел разыскать близких родственников учёного, проживающих в Англии, посетил Кембриджский университет, где учёный начинал свой путь к вершинам науки, и, наконец, побывал в Триесте – в МЦТФ имени Абдуса Салама. Это, естественно, внесло заметную теплоту в повествование.

Как отмечает в предисловии к книге доктор физико-математических наук, академик Н. Н. Боголюбов, с отцом которого Абдус Салам поддерживал творческие связи, «автору удалось не только передать тональность стиля Нобелевской лекции Абдуса Салама, но и изложить её содержание в популярной форме, без особых научных потерь, избегая при этом математических формул и спецтерминологии».

Все три издания его документальной книги о лауреате Нобелевской премии Абдусе Саламе, вышедшие в 2006–2010 гг. в Москве, Казани и Дубне на русском и английском языках, получили положительный отклик среди на-

учной общественности. В августе 2011 г. состоялась презентация английской версии книги в Библиотеке Конгресса США в Вашингтоне. В частности, академик РАН Рашид Сюняев заявил в этой связи, что «Абдус Салам является громадной величиной мировой науки второй половины XX века».

В конце 2011 г. в Москве в издательстве «ИИКЦ Эльф-3» вышла седьмая за последние десять лет книга Ю. Н. Халиуллина «Мир вокруг нас (научные записки дипломата)». Книга содержит научно-популярные очерки, опубликованные в 2008–2011 гг. в российской печати, главным образом в научном приложении Независимой газеты «НГ – Наука», по различным аспектам современной науки: микромира и макрокосмоса, геополитических и экономических проблем Арктики, триады Мирового океана (ресурсов, климата и геополитики).

В ней освещены также вопросы межкультурного диалога, актуальные проблемы восточных цивилизаций, в частности, мусульманской и китайской, а также проблемы перевода древнетюркской и татарской поэзии на английский язык. Интерес представляют также документальные сюжеты из дипломатической работы автора в таких экзотических странах, как Индонезия, Пакистан, Непал, Шри-Ланка и Мальдивы. Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся проблемами современной науки.

Юлдуз Нуриевич – патриот России. Вместе с тем он безгранично любит и свой родной народ, его богатую культуру и переживает за судьбу родного татарского языка.

– Как Вы относитесь к продолжающимся дискуссиям вокруг «татарского вопроса» в России? – задаем ему вопрос.

– Меня коробят бесконечные, порою конфликтные споры между московскими и казанскими историками вокруг давно прошедших событий, которые, как правило, приводят лишь к ненужным политическим осложнениям. Многие европейские народы уже достигли определённого уровня взаимопонимания по самым болезненным аспектам новейшей истории – последствиям Второй мировой войны.

Любовь к татарским корням, к своей нации и мусульманским традициям не должна и не может лишать возможности чувствовать себя полноценным гражданином России и одновременно татарин по национальности, независимо от паспортных данных и от того, где ты живёшь – в Москве или в Казани, в Тюмени или далеко за пределами России.

– Юлдуз Нуриевич, что должен предпринять татарский народ, чтобы как-то сохранить себя в условиях глобализации?

– Попытаться «загнать» молодёжь в лоно родного языка общими призывами, к тому же без твёрдой поддержки семейного воспитания, – занятие бесперспективное. Отсутствие мотивации – главная причина деградации родного языка. Во-вторых, в современных условиях капиталистического развития даже блестящее среднее образование на татарском языке не даёт никаких гарантий получения высшего технического образования, тем более в сфере новейших информационных технологий. Главное препятствие на этом пути – неразработанность сложной технической терминологии и отсутствие качественных вузовских учебников на татарском языке. Впрочем, такие же трудности испытывают почти все нерусские народы России и стран СНГ. А это означает, что в ближайшие десятилетия русский язык останется основным средством для получения высшего образования в постсоветском пространстве.

В-третьих, сегодня практически забыт опыт элитных татарских школ начала XX в., подготовивших костяк татарской и башкирской интеллигенции, уничтоженной в годы сталинских репрессий. В-четвёртых, с уходом в мир иной выдающихся представителей татарской культуры второй половины XX в. (А. Еники, А. Каримуллин, М. Магдеев, А. Гилязов, М. Салимжанов, Р. Яхин и др.) высшая прослойка татарской интеллигенции начинает терять свои национальные ориентиры. Культурная жизнь едва теплится вокруг немногих великовозрастных деятелей, которых можно перечислить по пальцам одной руки.

В-пятых, ажиотаж вокруг некоторых представителей татарской национальности, не знающих татарского языка, создаёт совершенно обратный эффект, вроде «да зачем он нужен, татарский язык, – вот же пример, как можно прекрасно обойтись и без него». В то же время крупные деятели российской науки татарской национальности, читающие лекции в университетах США и Германии, Англии и Франции, часто остаются без должного внимания со стороны татарских средств массовой информации. Здесь уже действует другой, узконациональный принцип, дескать, а что они сделали для татарского народа?

И, наконец, последнее и, пожалуй, самое важное. Как ни печально, мы должны признать, что сегодняшний уровень татарской культуры не отвечает мировым стандартам, прежде всего требованиям современной глобальной и информационной цивилизации. Мы пока ещё до конца не осознали, что революция в области микроэлектроники – революция не только технологическая, но и культурная. Это самое крупное и продвинутое явление нового столетия, которое вторгается во все сферы нашей жизни.

Не следует также забывать, что выход на арену мировой культуры для нас пока лежит через каналы русской культуры, освоением которой ни в коем случае не нужно пренебрегать и в будущем. И неудивительно, что талантливые представители татарского народа европейского и мирового уровня (Р. Сагдеев, Р. Сюняев, Р. Нигматулин – в науке, Р. Нуриев, С. Губайдуллина, И. Мухаммедов – в искусстве) воспринимаются в мире прежде всего как носители русской, российской культуры.

Я убеждён, что мы должны как можно скорее освободиться от ложного национального патриотизма, прежде всего ради сохранения татарского языка и определения реальных путей развития своей национальной культуры в условиях тотальной глобализации мировых процессов. Главное – не оказаться за бортом жёсткой конкуренции национальных культур, как-то обозначить себя в этом бесконечном потоке общемировой информационной культуры – во многом бездуховной и интернациональной. Для этого, на мой взгляд, необходимо предпринять неординарные, нестандартные шаги в разных направлениях.

– Какова здесь роль национальной элиты?

– То, о чём я говорил, относится в первую очередь как раз к подготовке новой татарской элиты, способной впихать в себя требования XXI в. Перспективный лидер сегодня тот, кто способен полноценно и честно отражать символы времени, как технологические, так и социальные. И способен приумножить традиции и культурные богатства татарской нации в условиях невиданных инноваций – плодов компьютерной и информационной эры.

Будущая татарская элита (будь то политическая, экономическая или культурная), как мне представляется, должна быть многоязычной, свободно говорящей на трёх языках – татарском, русском и английском.

У Татарстана имеются все возможности, чтобы создать в Казани отдельное элитное высшее учебное заведение (или довести до ума уже имеющееся) в целях подготовки национальных кадров широкого профиля как в гуманитарных, так и технических областях, с одновременным обучением на тех же трёх языках.

XXI в. диктует необходимость поиска новых демократических форм развития общественного сознания татар, отвечающих реальным задачам эпохи, политическим, экономическим и культурным запросам татарской нации в рамках глобализации всех форм человеческой деятельности. XXI в. не потерпит длительного топтания на месте, он требует от национальных лидеров принятия стратегических решений по сохранению татарской нации. Как ни печально признавать, но иногда мне кажется, что с уходом нынешнего поколения татарской интеллигенции, творящей пока по крайней мере в гуманитарной сфере на родном языке, татарская культура начнёт быстро терять свои позиции на всём пространстве России и СНГ, не говоря уже о её перспективах выдержать ожесточённую конкуренцию культур на мировой арене, где уже постепенно сдают свои позиции многие восточноевропейские культуры, в том числе и великая русская культура».

Марат САФАРОВ,
кандидат
педагогических наук

Моя бабушка

Зайнаб

Нуриевна

Ширинская (1931-2016)

Безмятежный летний день в Казани – светлый, без предчувствий и тревог. Этот день, который должен был быть в моей жизни. Третий приезд в Татарстан – после долгого перерыва. День, проведенный с друзьями.

Спасибо профессору Айдару Хабутдинову за удивительную прогулку от сада «Эрмитаж» до Старо-Татарской слободы. В прошлые приезды незамеченный мною дом историка Газиза Губайдуллина, о котором много слышано и прочитано – теперь часть моих впечатлений. Старинная мечеть Марджани, куда я всегда приходил в свои казанские приезды, и вновь действующая Апанаевская, наполненная спокойствием и молитвой.

Спасибо журналисту Ольге Юхновской, с которой мы прошли за час целый пласт казанского ландшафта. И за каждым домом и улицей – судьба.

Прочная любовь моих друзей к этому великому городу.

И конец дня – беседы наши с Альбиной Абсалямовой, закулисье Камаловского театра, Нияз Игламов и мои любопытные вопросы о загадочной судьбе актрисы Фатимы Ильской, веселый Кабан, теплый дом Наили Ахуновой, кабинет Абдурахмана Абсалямова – много раз представляемый мною, ставший местом утешения. И ночная улица с долгим подъемом, где не было (и не нужно было) слов, а дарилась теплота, забыть которую нельзя уже никогда....

Удивительный казанский день, в конце которого пришла весть из Москвы о кончине моей бабушки – Зайнаб Нуриевны Ширинской...

Видимо так было предопределено, что самое тяжелое в жизни событие произошло не в моем присутствии, а далеко, и принял его я в окружении друзей. Именно друзья знали, как прочно связаны мы были с бабушкой, какую роль она сыграла в моем становлении, интересах, профессии, мировоззрении. Всех я хотел познакомить с ней, даже в последние годы, когда она тяжело и долго болела, рассказать о её судьбе, поделится своим счастьем. Сейчас, в трудные для меня дни, благодаря Ринату Мухаммадиеву, мне представилась возможность рассказать о своей бабушке читателям газеты «Татарский мир». Многие читатели нашей газеты знали её лично, а для кого-то открылся еще одна татарская судьба на фоне XX века.

Старинной деревни Богданово близ Кадома уже нет на карте Рязанской области. Она исчезла вместе со многими древними татарскими и русскими поселениями этого края, когда-то входившего в Тамбовскую губернию. Былые землевладения мурз. Говорили в этих местах на мишарском диалекте, но ощущалось близость Касимова. Именно в Богданово, осенью 1931 года родилась моя бабушка.

Род Ширинских – один из самых древних в татарской истории. По семейному преданию, которое я слышал в детстве, три брата Ширинских пришли в кадомские земли из Крыма. Позднее, благодаря прочитанным научным исследованиям, это предание удалось соотносить с данными о Мухаммеде сыне Хусаина Ширинского, пришедшем в 1298 году из Орды в мещерские земли и получившего надел в Мещере. Ширинские стали знатными феодалами в постордынскую эпоху – в Казанском, Крымском и Касимовском ханствах. И сейчас я часто встречаю потомков этого рода, говорящих на разных языках, но наша кадомская ветвь так и оставалась вплоть до 1930-х гг. на старых своих землях.

К моменту рождения бабушки Богданово уже переживало трудный период – начиналась коллективизация. А еще за двадцать лет до этого в деревне находилось поместье с красивым домом и садом родственника нашей семьи Хусаина Яфаровича Ширинского – землевладельца и меховщика, успешно торговавшего каракулем в Москве, фигуры, значимой в

московской татарской общине начала XX века. Хусаин Ширинский, подобно многим татарским купцам, занимался благотворительностью. На его средства в соседнем Азеево обучалась в медресе родственница – Фазыля Сакаева, будущая моя прабабушка. Она готовилась стать учительницей в мектебе, но совсем недолго обучала детей в деревне Дасаево близ Темникова при покровительстве семьи Трегуловых и вышла замуж в Богданово.

Таким образом, род бабушки был связан и с другой старой татарской династией мурз – Сакаевыми и Сименеевыми.

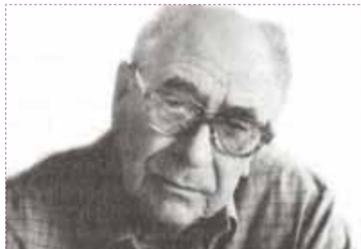
Бабушка моя не помнила Богданово. Видимо, следуя традиции, её мать уехала в деревню для рождения ребенка и вскоре вернулась в Москву, где семья уже осела с конца 1920-х гг. Отец – Нури Сеуфуллоевич Ширинский, работал на Ростокинском меховом комбинате, расположенном на севере Москвы. Как и многие его родственники, он с юности занимался меховой торговлей, долго жил в Петрограде, но с концом эпохи благодатного НЭПа перебрался в Москву. Общение в основном было сосредоточено в кругу потомков татарских купеческих фамилий. Бурнашевы, Ерзины, Акбулатовы, Байковы, Сакаевы. В Ростokino Нури Ширинский работал вместе с опытным меховщиком Сафой Умеровичем Абсалямовым – отцом будущего выдающегося татарского прозаика Абдурахмана Абсалямова. Часто после работы меховщики собирались в квартире Нури Ширинского, поскольку он жил недалеко от комбината – в Новоалексеевском. Пили чай, общались, вспоминали прошлое.

Роковым для большей части московских татар-меховщиков стал 1937 год.... Разумеется, репрессии, арест и гибель отца в лагере под Благовещенском, стали для бабушки определяющими вехами жизни. Она не могла без слез вспоминать эту трагедию и лишь фрагментарно рассказывала о том, что слышала от матери. К примеру, когда больному ревматизмом почти 60-летнему отцу, работавшему на лесоповале, родные решили прислать свиное сало, он ответил, что и в лучшие годы своей жизни не нарушал заповедей ислама, тем более – на пороге смерти... Потом была война, гибель двух братьев на фронте, но оставалась её мама, наполненная верой и памятью жизнью.

Бабушка моя до конца 1980-х гг. работала экономистом в разных московских НИИ, неких мало понятных мне «почтовых ящиках». История семьи к счастью не коснулась её профессиональной жизни. Всегда важной оставалась принадлежность к татарской культуре, языку. Поэтому закономерно, что и моя любовь к истории татарского народа, постепенно перешедшая в научный интерес, была воспитана бабушкой, всем ритмом и миром нашего дома, семейными рассказами, старыми фотографиями. С детства бабушка брала меня на тогда еще редкие татарские вечера в Дом Асадуллаева, знакомила со своими друзьями – московскими интеллигентами, среди которых происходило мое становление. Она же впервые привела меня и в Московскую Соборную мечеть.

Мы обсуждали разные темы, связанные с татарской историей, бабушка всегда поддерживала Татарстан и каждое мнение о республике и о своем народе воспринимала, словно высказанное по отношению к самой себе. Все это передалось мне, как и остальное – личное, семейное, ключевое.

Бабушку мы похоронили на мусульманском участке Кузьминского кладбища в Москве, с нами были её родные и друзья. Все прошло тепло и согласно её воле. В голове же сейчас крутятся воспоминания о былой нашей жизни; давно памятные мне стихи Альбины Абсалямовой, посвященные её семье, но объемные, близкие мне; разные татарские строки и слова, мелодии песен в исполнении Ильгама Шакирова, любимых моей бабушкой...

Амирхан ЕНИКИ

Родная земля

Дед, бывало, частенько уговаривал Клару: «Ты, голубка моя, проведи хоть раз наш Карагош, ведь там родина отца твоего, дедов, прадедов!» Девушка каждый раз не знала, как возразить деду, и ей делалось неловко. Земля, неведомо далекая, которую называли «родимой», была чужда ей, и слова деду не будили в ней ни любопытства, ни особых желаний.

Деда уже нет в живых. И все с собой в могилу унес: и грусть-тоску, и песни, и стародавние сказки и предания. С тех пор никто в семье не вспоминал о Карагоше, и само слово «родимая земля» подлежало забвению. Но — странное дело! — теперь Клара все чаще вспоминала слова покойного деда, чаще думала о селе Карагош. «Там жил мой бабай, там родина моих предков, ведь бабай завещал мне поехать посмотреть...» Эта мысль уже не давала Кларе покоя, и наконец, она решила поехать в дедушкино село. И в летние каникулы вдруг собралась разом и покатила в далекий Карагош.

Единственная из близких родственников, у которой Клара могла остановиться, живет теперь не в самом Карагоше, а на выселке Зиреклибаш. Хамдия-джинги — вдова родного брата деда живет с сыном Рахимом. Перед самым закатом солнца Клара сошла с поезда на маленькой станции. Поезд стоял минутки две и помчался дальше. Быстро опустела станция, и Клара осталась одна с чемоданчиком в руках. «Неужели телеграмма не дошла?» — подумала она с беспокойством. Но тут, откуда ни возьмись, вырос перед ней невысокий парень в сером плаще, черной кепке и с кнутом в руках.

— Ты — Клара? — обратился он, удивленно разглядывая ее.
— Вы... Рахим абый?
— Он самый, он! — сказал Рахим и уважительно протянул ей обе руки.

Едва коснувшись ее руки, он тотчас выхватил у нее чемодан. Пошли к лошади. Свежескошенное сено, набитое в расщепленный тарантас, было накрыто пестрой дегургой.

— Айда, сестрица, усаживайся! Клара первый раз за свою жизнь ехала в тарантасе, на темно-зеленом влажном сене. Не изведанное до сих пор блаженство охватило ее. Земля и травы стали ей как-то сразу близки: от коня тянуло потом и сыростью.

Рахим обернулся назад и улыбнулся всем лицом.
— Клара, а ведь мы очень близкая родня, лебедушка ты моя! Ты это знаешь?
— Знаю.
— Ты мне племянницей доводишься! Потому что твой отец и я — двоюродные братья. А до сих пор не виделись, подумай только!

Пока доехали до Зиреклибаша уже стемнело. Завернули во двор; какие-то люди с радостным шумом окружили тарантас. Клару подхватили под руки, помогли сойти; чьи-то шершавые руки жали и гладили ее белую тонкую руку. Ввели в дом. Небольшую комнату миглом наполнили дети, девушки, женщины. Должно быть, здесь были и соседи: растерявшаяся Клара в суетоке не могла разобраться. Но сухопарую женщину, возбужденно хлопотавшую вокруг нее, так и сыпавшую ласковыми словами, Клара угадала с порога: это была Хамдия джигачи. Удивительно подвижной, сладкоречивой и радушной показалась она Кларе.

Этот первый вечер прошел для Клары как в тумане. Она не могла отчетливо припомнить, что говорила ей и что говорила она сама. Встретила ее с неподдельной радостью; когда она умывалась, ей поливали теплую воду из кумгана, усадили на почетное место, потчевали удивительно вкусной лапшой. Все это казалось ей странным и походило на забавный сон.

... После ужина ее отвели в специально убранный чулан и уложили на деревянную кровать, на пышную перину. Уставшая с дороги, утонула она в пуху, разомлела и уснула вдруг, и никогда она еще не засыпала так сладко. Утром проснулась

от яркого света и от каких-то душистых запахов. Открыла глаза. Вверху увидела соломенную крышу: потолка не было, солнечные стрелы пробивались сквозь многочисленные щели. С жердей, уложенных на стропила, свисали связанные попарно свежие березовые веники, а на бревенчатой стене висели пучки какой-то травы. Оглядевшись по сторонам, увидела на полках и на гвоздях вещи, многие из которых она даже не знала, как назвать: прялку; чесалку для расчесывания льна, берестяное лукошко, большую деревянную чашу, полную сушеной черемухи. Ей показалось, будто эти штуковины вернули ее в древние времена. «Странно, но мило!» — подумала она и долго еще лежала, ленясь подняться с мягкой постели, рассматривая диковинные вещи.

Клара наконец встала, надела халат с широким поясом, подцепила на босу ногу танкетки и вышла из чулана. Не успела она распахнуть перекопавшуюся дверь, как ей встретилась Хамдия джигачи с охапкой хвороста.

— Барышня-милочка, — певуче заговорила она, называя Клару новым ласковым именем. — ты уже проснулась, свет очей моих? Сейчас, сейчас я вынесу тебе кумган, на травке и умоюшька!

Барышня-милочка! Как красиво, как ласково! Никогда бы не подумала, что деревенские умеют так обращаться!..

Выйдя во двор, Клара изумленно застыла на месте: тотчас за изгородью начиналась пшеница. Клара подошла к изгороди. Неоглядное поле буйных хлебов было так близко, что слышался даже шорох колосьев. Вдруг рядом кто-то фыркнул. Клара оглянулась. Возле самой изгороди пощипывал траву барашек. Веревка, накинута ему на шею, была привязана к колу.

Пока Клара умывалась, пришла домой Мунира, жена Рахима. Это была крепкотелая, стройная молодая женщина с приветливым смуглым лицом и черными глазами под дужками черных бровей... Оказалось, что она работает на ферме дояркой и ненадолго прибежала домой. Она обратилась к Кларе запросто, как к подружке:

— Ну, Клара, хорошо тебе спалось?
— Спасибо, Мунира, так хорошо спала, так спокойно...
— Ладно, коль так. А то у нас для дорогой гостьи и места другого нет, кроме чулана.

— Не говорите так. Там хорошо спится. Цветами пахнет!
К ним подбежали мальчик лет пяти и трехлетняя девочка. Сегодня, по случаю приезда тети-гостьи, они были одеты во все новое. На мальчике была белая рубашка и коротенькие штаны с ляпочкой через плечо. А девочка была в синеньком платьице с оборочкой, в белом передничке, на запястьях браслетик из красных коралловых бусинок, в косичках алая лента.

Дети были до того бойки и смелы в обращении, что Клара с удивлением подумала: «И не скажешь, что деревенские...» Они сразу прилипли к ней, лопоча.

— Так вот вы какие! Умные да красивые! Ну, а как тебя зовут?
— Алмаз! — смело выпалил мальчик.

— А тебя, моя бабочка?
— Алсу!
Клара прижала их к груди.

— Прощу тебя, барышня-милочка, прошу, свет очей моих, — хлопотливо встретила Клару джигачи. — Изголодалась, поди, пожалейте мы тебя разбудить-то, пусть, думаем, выплывет с дороги... Проходи-ка, проходи вон туда, усаживайся!..

Но Клара подхватила свой чемодан, стоявший возле стены, положила его на стул и стала вынимать подарки. Старшей джигачи она вручила отрез зеленого сатина на платье и белый батистовый платок, младшей — отрез дорогого шелка, тоже на платье (молодой невестке они из города никаких подарков еще не присылали), потом рубаху с двумя воротничками и галстуком (для Рахима), на мальчика надела вышитую узбекскую тюбетейку, а девочке дала красивые красные туфельки. Потом выложила на стол гостинцы: чай, шоколадные конфеты, печенье в коробках. Все было рады. Джигачи села на кушетку,

возле котла.
— Ну что ты, милочка моя, ведь в кои-то веки приехала ты к нам! Куда это годится — для тебя барашка не зарезать?!

Клара растерянно молчала. Ходил себе барашек, травку пощипывал. — И вот из-за нее его режут...
...И тут вошел здоровый, ладный парень в черной кожаной фуражке.

— Айдук, Хасан, — приветливо встретили его в доме. — Ты пришел к обеду. Видно, думаешь о нас хороше.
Но обедать парень отказался, только выпил ковш холодной воды. Он забелел напомнить о сенокосе. Надо спешить, а то погода может испортиться. Джигачи все поддакивала ему, но под конец сказала:

— Ой, Хасанушка, я б и зова твоего не стала дожидаться, да, видишь, гостья у меня!
Парень глянул на Клару и с улыбкой проговорил:

— А мы и гостье подберем грабли, которые полегче.
Наконец собрались обедать. Джигачи принесла на стол в большой деревянной чаше суп. Кларе очень понравилась эта деревенская лапша с острым бульоном... Потом джигачи положила каждому в тарелку тугурму. Это была колбаса, начиненная свежими бараньими потрохами. Тугурма была такая вкусная, что Клара тут же достала вилочку, записала способ ее приготовления, — дескать, вернусь домой, сама приготовлю, всем на удивление.

Потом в деревянном блюде принесли мясо кусками, и джигачи полила его острым соусом с жареным луком. Джигачи, через каждое слово повторяя «слава аллаху», рассказывала, как живет семья. С удивлением узнала Клара, что джигачи, овдовев в сорок первом году, одна вырастила шестерых детей, Молча выслушала Клара ее рассказ. Она была потрясена. Хотя бы нотка жалобы проскользнула в рассказе!

У Клары тоже о многом спрашивали. И она больше говорила о дедушке, о том, как тосковал он по Карагошу.
Под конец решили, что Рахим завтра возьмет в бригаде лошадь и они съездят в Карагош.

...Вот тебе и Карагош! В середине села стоял большой пятистенный дом под тесовой крышей. Здесь жила семья Сейфетдин абзья, который доводился им всем родственником. Навстречу выбежал сам кривоногий хозяин в белой рубахе и черной тюбетейке.

— Ай, бэрэкалла! — приветствовал он гостей, распахивая ворота.
Не успели въехать во двор и сойти с тарантаса, из дому выбежали невысокая, по-городскому одетая, миловидная девушка и плечистый парень. Это были невестка и сын. Джигачи представила им Клару:

— Вот привезла вам показать внучку деда Хамматжана. Из города приехала.
— Да что ты! — удивленно воскликнул хозяин. — У Хамматжана абзья такая внучка? Ишь какая выросла, словно яблочко золотое налилось, не слгазйти бы!

Все поздоровались с нею за руку. Особенно обрадовалась Кларе молодая невестка Саня. Джигачи успела шепнуть Кларе, что Саня и ее муж вместе учительствуют в карагошской школе.

Гостей ввели в дом. Саня повязала передник и принялась готовить обед. «Уж не она ли тут тон задает?» — подумала Клара... Между старшими пошли расспросы о житье-бытье.

Когда хозяин на минутку отлучился, Клара тихонько, спросила джигачи, далеко ли дом дедушки. Кларе захотелось пойти туда сейчас же, до чая, и джигачи пришлось проводить ее. Пройдя немного, остановились перед пустырем между двумя дворами.

— Вот тут они жили, барышня-милочка.
Проголоса между дворами от улицы и до самой речки поросла лебедой, крапивой, лопухами. И — ни деревца, ни кола, ни камня! Трудно было себе представить, что здесь когда-то стоял дом, был огород.

— А где же дом? — нетерпеливо спросила Клара.
— Да разве не знаешь, что дед перед выездом продал дом?!

— Бабакай рассказывал, что у них был сад, а в саду росла березка.
— Береза? А-а, да, была и береза... Срубили ее.

— Нет его, бабай, умер он. Еще прошлой осенью...
— Умер?!

Бабай печально опустил на землю и стал молиться.
Эта неожиданная встреча растрогала Клару. «Какие приветливые, какие добрые люди!» — повторяла она про себя.

Когда вернулись из леса, глядь, а под лабазом вниз головой висит овца, а Рахим абый обдирает ее... Дети сразу побежали к лабазу, а Клара, стараясь не глядеть в ту сторону метнулась в дом.

— Зачем Рахим абый овечку зарезал? — спросила она, точно испуганное дитя, у джигачи, стоявшей

возле котла.
— Ну что ты, милочка моя, ведь в кои-то веки приехала ты к нам! Куда это годится — для тебя барашка не зарезать?!

Клара растерянно молчала. Ходил себе барашек, травку пощипывал. — И вот из-за нее его режут...
...И тут вошел здоровый, ладный парень в черной кожаной фуражке.

— Айдук, Хасан, — приветливо встретили его в доме. — Ты пришел к обеду. Видно, думаешь о нас хороше.
Но обедать парень отказался, только выпил ковш холодной воды. Он забелел напомнить о сенокосе. Надо спешить, а то погода может испортиться. Джигачи все поддакивала ему, но под конец сказала:

— Ой, Хасанушка, я б и зова твоего не стала дожидаться, да, видишь, гостья у меня!
Парень глянул на Клару и с улыбкой проговорил:

— А мы и гостье подберем грабли, которые полегче.
Наконец собрались обедать. Джигачи принесла на стол в большой деревянной чаше суп. Кларе очень понравилась эта деревенская лапша с острым бульоном... Потом джигачи положила каждому в тарелку тугурму. Это была колбаса, начиненная свежими бараньими потрохами. Тугурма была такая вкусная, что Клара тут же достала вилочку, записала способ ее приготовления, — дескать, вернусь домой, сама приготовлю, всем на удивление.

Потом в деревянном блюде принесли мясо кусками, и джигачи полила его острым соусом с жареным луком. Джигачи, через каждое слово повторяя «слава аллаху», рассказывала, как живет семья. С удивлением узнала Клара, что джигачи, овдовев в сорок первом году, одна вырастила шестерых детей, Молча выслушала Клара ее рассказ. Она была потрясена. Хотя бы нотка жалобы проскользнула в рассказе!

У Клары тоже о многом спрашивали. И она больше говорила о дедушке, о том, как тосковал он по Карагошу.
Под конец решили, что Рахим завтра возьмет в бригаде лошадь и они съездят в Карагош.

...Вот тебе и Карагош! В середине села стоял большой пятистенный дом под тесовой крышей. Здесь жила семья Сейфетдин абзья, который доводился им всем родственником. Навстречу выбежал сам кривоногий хозяин в белой рубахе и черной тюбетейке.

— Ай, бэрэкалла! — приветствовал он гостей, распахивая ворота.
Не успели въехать во двор и сойти с тарантаса, из дому выбежали невысокая, по-городскому одетая, миловидная девушка и плечистый парень. Это были невестка и сын. Джигачи представила им Клару:

— Вот привезла вам показать внучку деда Хамматжана. Из города приехала.
— Да что ты! — удивленно воскликнул хозяин. — У Хамматжана абзья такая внучка? Ишь какая выросла, словно яблочко золотое налилось, не слгазйти бы!

Все поздоровались с нею за руку. Особенно обрадовалась Кларе молодая невестка Саня. Джигачи успела шепнуть Кларе, что Саня и ее муж вместе учительствуют в карагошской школе.

Гостей ввели в дом. Саня повязала передник и принялась готовить обед. «Уж не она ли тут тон задает?» — подумала Клара... Между старшими пошли расспросы о житье-бытье.

Когда хозяин на минутку отлучился, Клара тихонько, спросила джигачи, далеко ли дом дедушки. Кларе захотелось пойти туда сейчас же, до чая, и джигачи пришлось проводить ее. Пройдя немного, остановились перед пустырем между двумя дворами.

— Вот тут они жили, барышня-милочка.
Проголоса между дворами от улицы и до самой речки поросла лебедой, крапивой, лопухами. И — ни деревца, ни кола, ни камня! Трудно было себе представить, что здесь когда-то стоял дом, был огород.

— А где же дом? — нетерпеливо спросила Клара.
— Да разве не знаешь, что дед перед выездом продал дом?!

— Бабакай рассказывал, что у них был сад, а в саду росла березка.
— Береза? А-а, да, была и береза... Срубили ее.

— Нет его, бабай, умер он. Еще прошлой осенью...
— Умер?!

Бабай печально опустил на землю и стал молиться.
Эта неожиданная встреча растрогала Клару. «Какие приветливые, какие добрые люди!» — повторяла она про себя.

Когда вернулись из леса, глядь, а под лабазом вниз головой висит овца, а Рахим абый обдирает ее... Дети сразу побежали к лабазу, а Клара, стараясь не глядеть в ту сторону метнулась в дом.

— Зачем Рахим абый овечку зарезал? — спросила она, точно испуганное дитя, у джигачи, стоявшей

...Когда Клара и джигачи вернулись, стол уже накрыли. Было здесь даже свежее земляничное варенье и чак-чак, приготовленный на меду. Чай пили долго. Сейфетдин-абзья и джигачи отводили душу, вспоминая давние события, родственников, односельчан. С кем что случилось, кто куда уехал, где и как живут, чьи дети в каких городах, кем работают, чей сын или чья дочь по скольку присылает денег и кто не шлет ни копейки, — всех вспомнили.

— Саня-килен, — после чая обратилась джигачи невестке, — пойдите покажите гостье село...
Саня и ее муж Зиннур повели Клару по самой середине улицы. Село выглядело очень пестро. Немало изб старых, были и такие, что вот-вот развалятся, попадались и подновленные, заметно выделялись свежестроенные. Показали Кларе и мечеть напротив правления. Клара поинтересовалась, ходят ли еще в мечеть. Ей сказали, что ходят по утрам и вечерам несколько безгласных, точно тени, старичков...

Дети, попадавшиеся навстречу, здоровались и, разинув рты, глядели вслед. Подолгу застывали у ворот взрослые: слишком нарядна была Клара...
Улица вывела на чистые, ровные луга. Впереди был пруд, за прудом — старая мельница. Дальше виднелась ферма. По зеленому лугу стаями разбрелись белые гуси.

Вышли за село и решили полями идти потихоньку домой. Здесь пахло степью. Земля была черная, зернистая; редкая травка, подсыхая от зноя, да шелковистый ковыль. Ковыль... Все клонит и клонит его в одну сторону... Саня нагнулась, сорвала пучок какой-то травы с маленькими синими цветочками и протянула его Кларе:

— Поноухайте-ка!
Клара поднесла пучок к лицу и пришла в восторг:
— Что это такое?!

— Мята, — ответила Саня.
Мята! Клара стала жадно вдыхать аромат, и ей показалось, будто она захмелела.

Саня растерла белую полынь и тоже дала поноухать. И от полыни пахло степью, зноем. «А бабай все тосковал по ним...» — невольно подумала Клара. — Будь он в живых, я привезла бы ему этой травы, чтобы надыхался он вдоволь».

Солнце стало палить нещадно, и они заспешили домой. Пришли, попили еще раз чаю. Потом поели вкусного супу с солониной и омлетом. Жара наконец спала, и гости поехали домой...
Когда они подъезжали в Чабул-тау солнце стояло уже низко. Дорогой почти не разговаривали. Джигачи задремала. Рахим сначала рассказывал что-то про колхозные дела, потом смолк и он. У подножия горы все восторженно...

— Ба, да неужто подъезжаем? — удивлялись джигачи. — Уж и стадо домой гонят!
Рахим стегнул лошадь, и они догнали стадо, от которого несло пылью, шерстью и молоком...
Вдруг Клара попросила придержать лошадь.

— Я заберусь на Чабул-тау!
— Ой, милочка, да что же ты выдумала, уж и солнце заходит, как же ты одна-то?! — растерянно заговорила джигачи. Но Клара уже бежала к горе.

Гора оказалась очень высокой: к вершине она становилась все круче. Клара скользила, но карабкалась все выше, хватаясь за траву, за кусты... Наконец добралась до вершины...
Солнце уже скрылось. Но вокруг еще было так светло, что четко вырисовывались даже самые дальние дали. В синей дымке стояли одинокие горы: там и сям льнули к земле деревни: отчетливо выделялись нити дорог: по пыли, выходящей над дорогами, можно было угадать мчащиеся куда-то машины. И через холмы, поля, села гигантскими шагами шли куда-то столбы высоковольтной линии.

А вот и Зиреклибаш. Как близко до него! Вся деревня как на ладони. Вон и самый крайний дом — дом Рахим абый. А у ворот виднеются крохотные Алмаз и Алсу. Наверно, затаив дыхание наблюдают за тетей Кларой... А джигачи — рассторонная, вездесущая, уже и печку затопила: из трубы вьется дымок... Дымок родной земли.

...Есть, есть на свете земля, которую называют родимой! Есть дорожки сердцу люди, которых зовут родными! Клара теперь знала, что это не пустые слова...

РИФАТ АЖАМАЛ

* * *

На Сабантуе я ребёнком
На шест высокий залезал.
Не шест шатающийся вольно,
А так свой страх я побеждал.
Но зря тогда я так боялся, —
Не страшно быть на шесте том,
Горели лишь, когда спускался,
Колени, руки как огнём...
Я повзрослел и не решаюсь,
Не зная лезть в событий суть.
Задумал если лезть куда — то,
Про путь обратный не забудь.

* * *

Жизней двух не будет,
так же и любви.
В реку ту же людям
дважды не войти.
Почему же встретив
через столько лет,
юность ты вернула
нам, вернув рассвет.
Пусть уже седа ты,
но черны глаза.
Песни пусть с грустинкой —
в них журчит река.
Смех твой украшает
сеть морщин у глаз,
Мы с тобой шагаем
как в «десятый класс».
Коль скажу — влюбился,
буду я не прав, —
ведь тебя любил я,
помня весь твой нрав.

* * *

“В бою сначала гибнут знаменосцы”
Рашид Ахметжанов

В бою сначала гибнут знаменосцы,
Кто сзади полз, тот завершит поход.
С ползущими из войн выходит снова
К труду и в мир сражавшийся народ.

Одних героев пули там сразили,
Других — измены, злая зависть, ложь...
Ползущие, как правило, все живы,
Их даже судным днём всех проймешь...

Герои же оставили лишь образ, —
Без продолженья рода их любовь...
Родят каких, учившиеся ползать,
Известно всем, не повторяйте вновь.

Чтоб человеком стать вам, — встаньте прямо!
Мне дума эта снова душу рвёт, —
Не преврати, Господь, в ползущих рьяно
Род человеческий, двигаясь вперёд.

* * *

Берег моря. Мощная скала, —
Как из камня кремния крепка.
Бьются волны моря о скалу,
Брызги улетают на ветру.
Глядя бьётся как вода, скала
Скажет гордо волнам иногда:
“Бьётесь зря, и мне вы не равны!
Ваши всхлипы — тоже не нужны”.
Волны гладят вновь у дна скалу,
Словно ветер ласковый траву,
Чувствам всем давно чужда скала,
Не понять ей, чем сильна волна...
Много дней и лет с тех пор прошло,
Где скала? Её уж нет давно.
Волны там играют на бегу,
Словно жеребята на лугу...

Порой бывает тяжко —
В обиде все “друзья”:
“Но почему же счастье
Вновь выбрало тебя?!”
Лишь для тебя сегодня
Взошло и Солнце вновь,
С тобой одним в дороге
Попутчиком любовь!
И небо над тобою
Всегда чиста, светла,
Лишь для тебя стрелую
Приходит и весна...”
И солнце будет слушать,
И вёсны к вам придут,
Они, коль в ваших душах
Приют себе найдут.

* * *

Кто Человек? Он, как и воды,
Всю жизнь течёт куда — то вдаль...
Течёт один большой рекою,
Другой же — пеной мчит печаль.
Поверхность вод собой окрасит
Та пена, суть свою неся.
Струя как в омут попадает,
То исчезает пена вся.

* * *

Кто- то шепчет мне на ухо:
“Всё еще не поумнел?!”
Мне твердят порою сухо:
“Быть серьёзным не сумел!”
Да, люблю! Любовь с годами
Лишь усилит дух святых.
Да, люблю! И вновь влюбляюсь, —
чем я хуже молодых?!”
Пусть чужак я всем известный,
от любви не устаю.
Пусть горят глаза, а сердце
пусть пылает.
Я — люблю!

* * *

... Сказал один: « Она тебя забыла...
И ты забудь, не думай ни о чём!
Твоё чтоб сердце от любви остыло,
есть польза от прогулок босиком».
Она забыла?! В жизни — всё бывает...
Темна душа людская, как и ночь.
А ночь порой, хотя сама страдает,
и днём как будто не уходит прочь.
Но всё равно я ждать восхода буду,
моя душа всё ж тянется к любви.
А те “друзья”, сказавшие: “Забудешь”-
забудут сами те слова свои.
Но только ты — моей надежды пламя,
на нас огонь любви кто распротёр,
достойно пронесёшь любви знамя!
Не нужен мне другой судьбы костёр...
Лишь темень стекла
Парень снова стоит пред окном,
ждёт, когда засияет оно.
Очень хочет увидеть одну
в том окне он девочку свою.
А в окне, как и прежде, темно...
Там девочка стоит за стеклом.
А парнишка не знает того,
что девочка глядит на него.
Парень гордый — не может войти,
стыдно девушке к парню сойти.
Молча ждут встречи эти сердца,
а меж ними лишь темень стекла.

* * *

Всё проходит, но не всё
забывается,
как костёр порою вновь
загорается.

Коль не веришь, повернись
и взгляни назад,
вспомнишь первой как любви,
был безумно рад.

Перевел Ирек ГАТИН

Пророк МУХАММАД
(салаллохи алайхи вассалам)

ХАДИСЫ

Твоя доля гонится за тобой так, как ты гонишься за ней.

Попадая в опасность, боязливый успокаивается духом.

Терпеливый все-таки достигнет цели.

В одном из преданий говорится, что, когда у Пророка (Мухаммада-с) на дастархане было два вида кушанья, он довольствовался одним, подавая другое в милостыню.

Горе тому, у кого нрав плохой да и лицо некрасивое.

Лучше одиночество, чем иметь плохого компаньона.

Тот, кто не враждует с тобой, уже оказал тебе дружбу.

Горе завистнику от зависти (его).

Бог воздает долю покровителю младенца (сироты).

Печаль у каждого по мере его великодушия.

Покажи все, что имеешь (и умеешь), чтобы узнали тебя.

Никому не стоит завидовать, кроме двоих: (первому) тому, кому Бог дал богатство и он расходует его за богоугодные дела, и (второму) тому, кому Бог дал мудрость и он судит (в делах) этой мудростью и просвещает людей.

Тот, кто умножает свои знания, но (при этом) не очищает свой нрав, всего лишь умножает расстояние между собой и Богом.

Пророк сказал: «Будешь со мною в Раю при нескольких условиях: если будешь держать язык от злословия и лжи, очистишь сердце от злости и зависти, закроешь глаза к запретному и не обидишь ни одного мусульманина».

Небеса, и земля, и ангелы днем и ночью просят благословение для троих: ученых, ищущих знаний и щедрых.

Отцы бывают трех (типов): тот, кто стал причиной твоего сотворения, тот, кто женил тебя (отец жены), и тот, кто научил тебя знаниям.

Красота слова — краткость.

Стыд человеческий — занавес.

Не жди (напрасно) верности от незнатных.

Профессия — клад.

Наилучший — тот из твоих друзей, кто наставляет тебя на добрые поступки.

Уважай свою мать, уважай ее, уважай ее, а потом — своего отца, а потом — других близких.

Лекарство сердец — это признание в предписании (судьбы).

Поведение человека — свидетель его происхождения.

Постоянность радости обеспечивается лицеизрением с друзьями.

Власть мерзких и недостойных (людей) — беда (достойных) мужей.

Динар скупых — камень (брошенный в тебя).

Религия человека — его слово.

Двум парам глаз нет опасения от адского огня: первые — те, что в ночи в слезах из-за боязни от Божьего гнева, и другие — те, что бодрствуют на посту в богоугодных целях.

Двум нравам нет места в сердце мусульманина: зависти и развратничеству.

Аллах дружит с судьей, пока он не допускает несправедливость, а как допустит это — Аллах оставит его, а сатана примкнет к нему.

Три вещи усиливают память: зубочистка, пост и чтение Корана.

Есть три вида рук: берущие, дающие и хранящие. Самые лучшие из них — дающие.

Научитесь трем вещам у вороны: совокупляться втайне, утром рано выходить за своей добычей, избегать врагов.

Украшенный мира (сего) — три: имущество, дети, жена.

Украшенный мира того — тоже три: — знание (богоугодное), воздержание от грехов (чистота нравов) и милостыня. Украшения тела: мало есть, мало спать, мало говорить.

И украшения сердца: терпение, молчание, благодарность.

РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ

Акчурин Р. С.,
Председатель редсовета.
Президент Некоммерческого партнерства «Ватаным» («Мое Отечество»), академик РАН, Российской академии медицинских наук, почетный академик АН Башкортостана, Казахстана и Татарстана, кардиохирург

Алишина Х. Ч.
доктор филологических наук, профессор Тюменского государственного университета

Асадуллин Р. М.
президент Башкортостанской организации «Ватаным», ректор Башкирского государственного педагогического университета, доктор педагогических наук, профессор

Ахметшин Р. К.
заместитель Премьер-министра Республики Татарстан – полномочный представитель РТ в Российской Федерации

Володарская Э. Ф.
член правления «Ватаным», ректор Московского института иностранных языков, главный редактор журнала «Вопросы филологии», академик РАЕН

Давлетшин Г. М.
доктор исторических наук, профессор Казанского федерального университета

Нигматулин Р. И.
член правления «Ватаным», академик Российской академии наук, директор Института океанологии РАН

Рахим Теляшев,
журналист-краевед, писатель-историк, заслуженный работник культуры РТ, г. Санкт-Петербург

Ренат Харис,
лауреат государственной премии РФ (2006г.), народный поэт Татарстана, член Совета по культуре и искусству при Президенте Российской Федерации

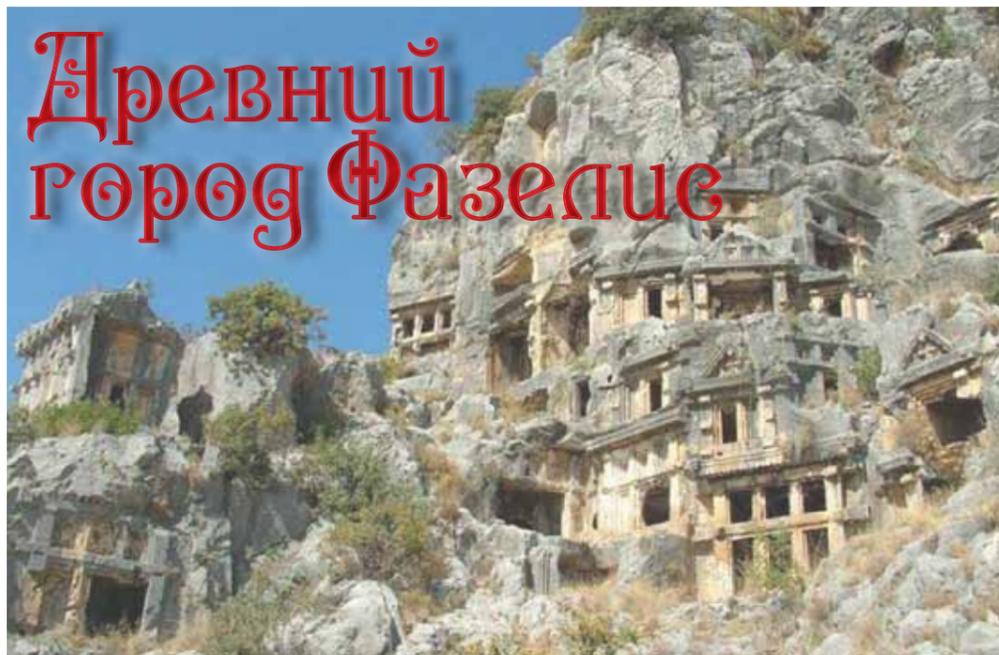
Главный редактор
Ринат Мухамадиев

Заместители главного редактора
Лейсан Ситдикова
Ахат Мухамедов

Художник-дизайнер компьютерной верстки
Асия Каримова

Компьютерный набор
Екатерина Жукова

Учредитель:
Некоммерческое партнерство содействия развитию институтов гражданского общества «Ватаным».
Газета зарегистрирована Министерством по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций РФ.

Турция известна во всем мире как хранительница древней истории. Среди интересных исторических памятников одно из первых мест занимает античный город Фазелис. Он был основан еще в 5 веке до нашей эры греческими колонистами. Фазелис находится в 60 км от Анталии на самом красивом полуострове у подножия горы Тахтали, а из Кемера сюда можно добраться морским путем. Хоть античный город и расположен в сосновом бору, на его берегу отличные песчаные пляжи. Это один из лучших курортов Турции.

Название города на лувийском языке звучало как Фасала (Паассала) и означало «морской город». Основанный в трех красивых бухтах, Фазелис был крупным портовым городом и существовал как центр торговли между Грецией, Азией, Финикией и Египтом. История его существования насыщена великими событиями. Вначале город был захвачен персами, потом он перешел к Александру Великому, а после его смерти город был под властью египтян. В период второго столетия до нашей эры Фазелис перешел в управление Ликийского союза. Город все время был предметом внимания пиратов, нападения с их стороны случались довольно часто. Поэтому неудивительно, что город постепенно обеднел и, в конце концов, и вовсе прекратил свое существование.

Римский географ Страбон повествует, что за средней гаванью Фазелиса было небольшое озеро, которое сегодня превратилось в болото. Изображения фрагментов гавани, агор и античных кораблей на монетах города подтверждают торговый облик города. Скорее всего, город был основан для того, чтобы доставлять лес богатого деревьями Тавра (горная цепь) в другие средиземноморские гавани. Фазелис, находящийся на границе двух исторических областей, иногда относят к Ликий, а иногда к Памфилии. В 333 г. до н. э. город встретил Александра Македонского, вручив ему золотой венец. Рассказывается, что тогда город славился лиловым маслом и розами.

В 42 году до н. э. город перешел под владычество Рима. С этого времени начинается переустройство города, растет его благо-

состояние. Расцвет города продолжался около 300 лет. В 129 году город посетил император Адриан. Монументальная арка со сводом при входе на главную улицу, начинающуюся от южной гавани, была построена в его честь. Историки рассказывают о том, что город время от времени страдал от эпидемий лихорадки, которую, вероятно, занесли туда родосские моряки, а иногда переживал трудные дни из-за нападения диких ос. В V—VI вв., во времена господства Византии, Фазелис был одним из городов, принявшим условия Халкедонского собора (451 г.). После нашествия арабов в VII в. в истории города начинается новый период процветания (VIII в.). Руины городских стен и сооружений относятся к этому периоду.

В 1158 году последовала осада города сельджуками. Затем землетрясения, а также рост торговой активности в портах Анталии и Аланы привели к тому, что Фазелис к XIII веку потерял своё значение и был практически покинут жителями.

Для туристов наиболее интересным будет посетить некрополь Фазелиса, который расположился в северной части города. Здесь сохранилось множество захоронений, а среди них можно найти место, где был похоронен Александр Македонский. Немногие туры в Турцию могут похвастаться такими достопримечательностями!

Большинство сохранившихся до сегодняшнего дня руин относятся к римскому и византийскому периодам и расположены на главной улице, соединяющей северную и южную гавани. В районе театра и агоры находится небольшая площадь, на юго-восточной стороне которой лестница ведет к театру и акрополю. Построенный в IV веке до н. э. на склоне акрополя театр Фазелиса сравнительно небольшой (его 20 рядов рассчитаны на 3 тысячи человек) и представляет собой типичный образец амфитеатра эллинистического периода. Дошедшие до наших дней руины свидетельствуют о том, что сцена театра была построена римлянами. В позднеримский период амфитеатр служил ареной, а в поздневизантийский период его сцена использовалась как часть городской стены.

Справа от входа в город находятся самые древние стены городской крепости (III век до

н. э.), а также руины, вероятнее всего, храма или монументального склепа. На склонах за северной гаванью раскинулось городское кладбище. Самые впечатляющие руины Фазелиса — возвышающийся над автостоянкой акведук. Рядом заметны ёмкости для воды. Город снабжался водой из источника на северном холме. В городе находились три агоры: одна напротив театра, остальные две на правой стороне главной улицы, ведущей к южной гавани. Внутри агоры, что напротив театра, видны развалины небольшой базилики византийского периода. Впечатляют и городские бани в районе городской площади. Особенно интересны малые бани, система отопления которых была типична для римских купален. В двух некрополях города находятся гробницы с крышками с изображениями фигур Эроса и львов.

На восточном склоне акрополя видны развалины двух храмов — храма Афины Паллады и храма бога торговли Гермеса. Другие значительные сооружения города всё еще скрыты под землей, и ждут своего исследователя.

Жители Фазелиса были известны как расторопные торговцы. Женщины носили особую прическу «сисое»: говорят, она была похожа на прическу египетской богини Изиды. Из знаменитых горожан можно назвать философа Теодекта. Другой известный горожанин — богач Опрамаос из Родиаполиса, который потратил значительную часть своих средств на перестройку города после очередного землетрясения.

Из религиозных деятелей города можно назвать Фронтон, который принимал участие в Халкедонском соборе, и Аристомедоса, который в 458 году вместе с другими религиозными деятелями Ликий того периода подписал известное письмо императору Лео.

В свое время покровительницей Фазелиса считалась богиня мудрости и войны Афина: в честь нее в городе был построен храм. Хоть в наше время сохранились только развалины от него, это место пользуется популярностью у туристов, ведь по древним преданиям в этом храме хранилось копье Ахиллеса. В Фазелисе был также возведен храм Гермеса — бога торговли, так как город был крупнейшим центром торговли на территории современной Турции, здесь производились духи, ароматические масла.

Сохранились развалины водохранилища, с которого подавалась пресная вода в город. В свое время для его защиты разработали специальное укрепление. Все уже обнаруженные находки и сокровища древнего города хранятся в музее Анталии.

Порт на юге Фазелиса служил для военных целей, здесь можно увидеть остатки дозорной башни. Вся эта мощь крепостных сооружений производит грандиозное впечатление. Сохранились и остатки проспекта, который проходил через весь город. По краям проспекта остались развалины торговых прилавков, учебных заведений. И конечно, античный город невозможно представить без амфитеатра. В одно время он служил как арена, а сейчас отсюда открывается потрясающий вид на окрестности Фазелиса.

Любые достопримечательности Турции всегда оставляют сильные впечатления и поражают наше воображение. И руины древнего Фазелиса не исключение: после посещения навсегда останутся незабываемые воспоминания в сердце каждого туриста.

Дорогие читатели!

Нет дня, чтобы в редакции не было звонка с вопросом, где можно купить нашу газету и как на нее подписаться. Подобные вопросы регулярно поступают и на почту редакции. Такая востребованность газеты «Татарский мир», конечно, радует нас. Приятно, когда газета пользуется спросом у читателей и им интересно то, о чем мы пишем. В новом году мы продолжим уже полюбившиеся читателям рубрики «Судьбы наших современников», «Никто не за-

быт», «Сыны Отечества», «Наше наследие», «Мир искусства», «Страницы истории», «Актуальное интервью», «Неизвестное об известном» и другие. Большим успехом пользуется единственная и постоянная рубрика на татарском языке «Балам-багалмам». Вас ждут новые интересные материалы и в рубрике «Из жизни регионов». Она о том, как живут наши соотечественники на просторах России и за рубежом. Редакция планирует также чаще публиковать очерки

и статьи о выдающихся татарских военачальниках и полководцах, о мастерах театральной сцены и спорта, публиковать стихи и рассказы классиков и современных писателей татарской литературы. Появляются новые материалы ученых о богатой истории нашего народа, самые интересные результаты этих исследований станут достоянием наших читателей. Заслуженным успехом пользуется у читателей рубрика «Тюркское пространство», где мы рассказываем о достижениях родственных нам народов.

Словом, редакция газеты «Татарский мир» и впредь будет стремиться расширять и доносить до каждого читателя глубокий многогранный мир духовного богатства татарского народа.

Мы рады сообщить нашим читателям: во всех отделениях почты России и стран СНГ открыта подписка на газету «Татарский мир» на первое полугодие 2017 года. Для этого достаточно в отделении почтовой связи назвать наш подписной индекс: **П3735**. Оформить подписку можно и в режиме On-line на сайте: <https://podpiska.pochta.ru>

Свидетельство о регистрации СМИ
П/И № ФС77-18851 от 10. 11. 2004.

При реализации проекта используются средства государственной поддержки (грант) в соответствии с Распоряжением Президента Российской Федерации от 17.01.2014 г. № 11-рп и на основании конкурса, проведенного Региональной общественной организацией «Институт проблем гражданского общества».

Адрес редакции:
115184, Москва, М. Татарский пер., д. 8.
Телефоны: (495) 951-16-94,
951-02-38 (по вопросам подписки и распространения).

E-mail: tatar.mir@yandex.ru

Подписано в печать
09. 09. 2016.
Отпечатано в типографии
«ООО Медиа-форум».

Тираж 15 000 экз.